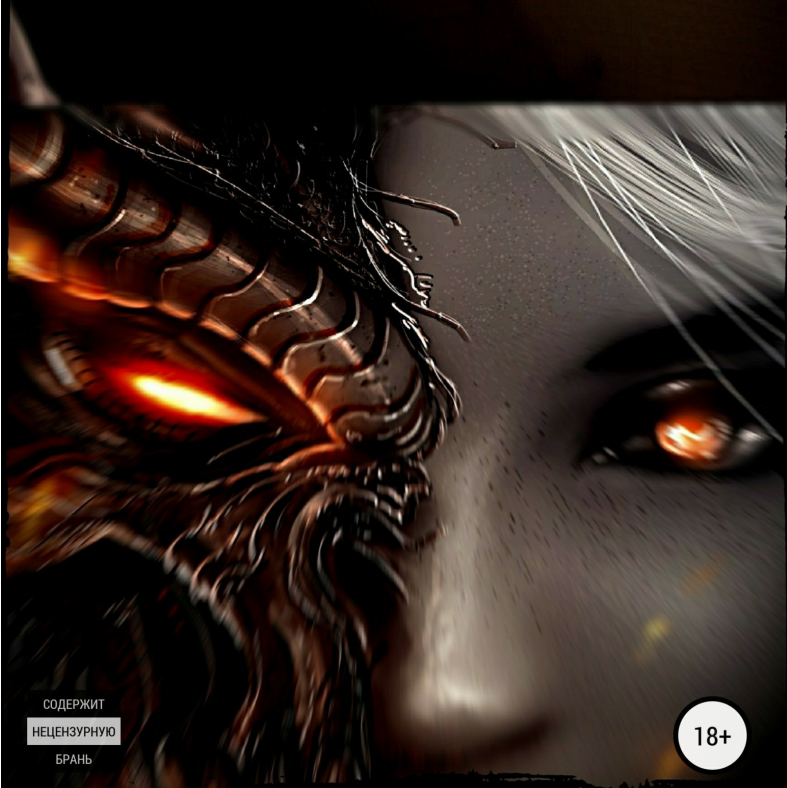

Александр Протасов

Здравствуй Ангел, здравствуй Бес

Роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Витальевич Протасов

Здравствуй Ангел, здравствуй Бес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31512169

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2368-7

Аннотация

Когда человечество, погрязшее в войнах и разрухе, умирая на обломках старого мира, столкнулось с новой, неведомой до этого силой, произошло необычное явление. Мальчик по имени Донатан, живущий в приюте для сирот, увидел Ангела. Это событие перевернуло всю его жизнь, изменило мировоззрение и заставило взглянуть на себя и других с иной стороны. Страшные вести поведал ему Ангел. Но ещё страшнее была встреча с Демоном. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Миша	10
Глава 2. Тётушка	16
Глава 3. Андроид	26
Глава 4. Зюзя	33
Глава 5. Машенька	41
Глава 6. Совет	52
Глава 7. Ошибка	75
Глава 8. Наблюдатель	88
Глава 9. Страх будущего	96
Глава 10. Аннексионист	104
Глава 11. Ангел	118
Глава 12. Первый вывод	126
Глава 13. Бес	136
Глава 14. Блокпост	147
Глава 15. Доклад	159
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Когда человечество, погрязшее в войнах и разрухе, умирая на обломках старого мира, столкнулось с новой, неведомой до этого силой, произошло необычное явление. Мальчик по имени Донатан, живущий в приюте для сирот увидел Ангела. Это событие перевернуло всю его жизнь, изменило его мировоззрение и заставило взглянуть на себя и других с иной стороны. Страшные вести поведал ему Ангел. Но ещё страшнее была встреча с Демоном.

Человечество, обречённое умереть за свои грехи и ошибки оказалось под перекрёстным огнём древней трагической истории, которая зародилась в глубинах вселенной и терзает умы древних вот уже на протяжении сотен тысяч лет. Космос коварно оплатит за эту тайну и люди, как всегда, окажутся на переднем крае этой страшной трагедии.

Чтобы выжить на этот раз потребуются нечто большее, чем сила и стойкость. Ради жизни своей и будущих поколений предстоит объединить силы не только земные и небесные. Людям придётся познать все масштабы древнего кошмара, пересмотреть свои ценности и принять величайшую тайну, которую все мы знаем как непреложную истину. Грядёт величайшая битва. На этот раз никто не спасёт планету, кроме её истинных обитателей.

ПРОЛОГ

Я был свидетелем невероятного чуда. Это было незабываемо. Это было нечто! Оно изменило меня, моё мышление и сознание. Открыло мне глаза. Я изменился, я стал другим, я осознал, но было уже поздно.

С этого самого момента все мои представления о жизни и окружающем мире изменились навсегда.

Новые, необычные, пугающие неизвестностью ощущения захлестнули меня. Они унесли меня прочь от реальности. Я словно прозрел, очнулся от мрачной дрёмы, в которой пребывал, и уже никогда не буду тем, кем был до этого.

Мир, что был мне некогда родным и таким близким, скрылся в ярком свете новых ощущений и осознаний. Я не отринул его, просто сумел взглянуть с иной стороны. Сумел увидеть то, чего никто не замечает, никто не знает и никто не верит. Осознание перевернуло всю суть моего бытия. Я понял, насколько был мелочен и низок в своих рассуждениях о том месте, где нам довелось жить. Будучи простым человеком, я вдруг преобразился по воле древних, неведомых для меня сил и получил в дар или в наказание нечто, чьего присутствия будут бояться до конца времён.

Но началось всё не с этого.

Это история о том, как можно измениться, увидев вели-

кую мощь иного мира. Мира, о котором люди даже не подозревают, но который окружает их и вынужденный мириться с их эгоизмом и невежеством, озлобившись на всю вселенную, желает взять всё в свои руки, не потому, что напрямую зависит от нас, а жестоко веря, что ему это позволено.

Меня зовут Донатан Грэй или просто Дони. Это история моей и не только моей жизни.

* * *

Я родился в мегаполисе. Так в мою эпоху называли огромные города с большими, практически до самых небес зданиями. По длинным, широким, бесконечным улицам покрытым асфальтом снуют миллионы машин, а по тротуарам каждый день ходят миллионы людей. Дышать там трудно, особенно днём. Поэтому, все жители вынуждены носить специальные устройства фильтрующие воздух. За их использование взимается ежемесячный налог.

Именно поэтому, я ненавижу день, а люблю ночи. Сколько я помнил самого себя, я всегда любил именно ночи. Часто, будучи ещё ребёнком, я выбирался на крышу и часами пытался рассмотреть звёзды. Они появлялись очень редко, но их красота стоила этих чудесных мгновений. Мне всегда казалось, что там кто-то есть. Не могу объяснить почему, но я в это верил. А ещё я любил ночи потому, что именно ночью можно было надышаться свежим воздухом, который по странным и непонятным причинам несколько лет назад начал просачиваться в город с севера. Ночами затихала жизнь,

и на высокой крыше было тихо и спокойно.

Родителей своих я не помнил, да и они, скорее всего, меня тоже. С самого младенчества я жил в приюте. Он назывался «Дом Надежды». Признаться честно, до приюта я мало помнил себя.

Название приюта было двойное. Для кого-то это действительно был «дом надежды», где даровали возможность, таким как я на обретение семьи. Многие из тех, кого я знал и с кем познакомился в приюте, нашли свой новый дом. Раз в месяц обязательно находилась семья, готовая взять на воспитание одного из сирот приюта. Новые родители обычно сами выбирали себе ребёнка. Но бывало и такое, что приходилось выбирать нам самим.

Тогда в приюте проходило некое подобие лотереи. Соответственно, победитель на следующий день отправлялся в большой мир.

Конечно, мы всем сердцем радовались за счастливого и желали ему удачи. Но в глубине души жалели, что этим самым счастливым не стали сами.

Все кто покидали приют, никогда больше в него не возвращались. И на это были свои причины.

Мрачным и мучительным было ожидание следующих желающих забрать одного из нас или подвергнуть лотерею, поскольку второе название «Дома Надежды» было весьма не радужное, а являлось конкретным отражением страшной реальности.

Хозяйку приюта, в котором я рос, звали Надежда Бэкстридж. Этот приют был её детищем. Только его она любила и лелеяла. Только о нём заботилась. Но не о его постояльцах, к сожалению.

На самом деле дети, что жили в приюте госпожи Бэкстридж, были чисты и ухожены лишь напоказ, когда приходило время сплавлять их приёмным родителям. Все остальное время они подвергались нещадному рабскому труду.

Днями и ночами воспитанники приюта трудились в прачечной, что была расположена в квартале от здания «Дома Надежды». Вёл к прачечной мрачный подземный ход, проложенный в старой, заброшенной ныне канализационной трубе. Каждый день по тёмному вонючему лазу детишки ползли на коленках, чтобы целый день трудиться, а вечером возвращались обратно.

Сама прачечная была расположена в подвале старого кирпичного здания довоенной постройки с облупившимися стенами и гнилыми половицами и не знала ремонта уже очень много лет. На первом этаже этого сооружения была приёмная, а на втором общежитие.

Никто, никогда даже подумать не мог, что всю работу в прачечной выполняют дети из приюта, а не новомодная техника, чудесные свойства которой описывались в рекламе.

Надежда Бэкстридж настолько запугала бедных детишек, что те даже под страхом смерти не выдали бы её секретов.

Так тянулась жизнь моего приюта. С горем, тоской, стра-

хом и голодом. Порой с маленькими радостями и постоянными ожиданиями чего-то необычного. Того, что наконец-то изменит нашу жизнь.

В ту пору мне было, насколько я помню, лет девять. Но всё что случилось со мной в тот год, всё, что я помню и всё что расскажу вам, было чистейшей правдой.

Шел год 2118. Моё имя Донатан Грэй, и это моя история.

Глава 1. Миша

Однажды ночью я проснулся от странного звука. Я увидел свет в щели между полом и дверью в нашу общую комнату. Любопытство взяло верх, и я решил подняться и выяснить в чём дело. Когда откинув одеяло и ступая босыми ногами по холодному скрипучему полу, я двинулся к двери, странный звук раздался вновь. На этот раз звук был отчётливым и без труда узнаваемым. Это билась посуда внизу на кухне. После третьей разбитой тарелки проснулись все обитатели нашей комнаты. Они тоже повскакивали с постелей и подошли к двери.

Среди них были близнецы Рим и Тим, светловолосые мальчуганы лет семи. Они были похожи как две капли воды. Я всегда путал их. А порой мне казалось, что внешнее сходство у них не единственное. Они одинаково двигались, одинаково говорили и порой, даже одинаково думали. Их поступки были очень сильно схожи, а ещё они всегда одинаково одевались, поэтому, их путал не один я.

Я приоткрыл дверь нашей комнаты так, чтобы была видна маленькая щёлочка, и стал прислушиваться. Рим и Тим опустились ниже. Едва слышная речь донеслась до нашего слуха.

– Что там происходит? – спросил шёпотом Рим.

Я приставил указательный палец к губам и шикнул.

Столовая находилась в дальнем крыле первом этажа трёхэтажного здания приюта. Наша же комната располагалась на втором этаже, и слышимость была неважной. Я напряг слух. Ну конечно! Звук голосов донёсся вновь, и эти голоса невозможно было спутать ни с какими другими.

Раздавался мерзкий, писклявый, противный, постоянно раздражённый, ноющий и всегда недовольный:

– Я сказал, купи! – провизжал голос, и почти тут же слышался звук очередной разбитой вдребезги тарелки.

Миссис Бэкстридж охнула, и в тот же миг начала умолять своего избалованного отпрыска успокоиться.

– Милый, ну я же не отказываю тебе, – причитала она, – просто прошу тебя немного подождать. Мне как раз сейчас поступил крупный заказ от одного военного гарнизона. Они расквартированы у нас неподалёку. В старой части ракетчиков. Поверь мне сынок, как только мои голодранцы очистят шмотки этих грязных вояк, я обязательно куплю тебе этот твой новый гаджет.

Но слова матери, не возымели действия на нерадивого отпрыска и на пол полетела очередная тарелка.

– Я не желаю ждать так долго! – выкрикнул писклявый, надрывный голос. – Я хочу сейчас!!! Немедленно!!! А-а-а!!!

Он визжал словно девчонка, которую только что противный хулиган мальчишка дёрнул за косу и толкнул в лужу.

К слову сказать, я излишне увлёкся этим рассказом и со-

всем запомнил, чтобы объяснить. Посему, приношу вам свои извинения!

Голос капризного ребёнка принадлежал единственному сыну миссис Бэкстридж. Звали этого мальчика Миша.

Сказать по правде, его никто не любил. Все в приюте его сторонились, а в школе его постоянно шпыняли и обижали одноклассники. Поэтому, он вырос очень злым и избалованным ребёнком. Не признавал никаких компромиссов и уговоров. Абсолютно не любил ждать и всегда требовал подать желаемое в ту же секунду.

Порой мне казалось, что его не любит даже сама миссис Бэкстридж. Уж настолько он был противным этот Миша.

Слегка опишу его, чтобы вы имели о нем представление.

Это был полный мальчик с волосами смоляного цвета, всегда засаленными и прилизанными. Его кожа была белой, словно у альбиноса. Злобные, маленькие пороссячьего вида глазки всегда смотрели с дикой завистью на то, что их обладатель желал получить. В них всегда горел огонь страха и ненависти, и никогда в них не отражалась даже искра интеллекта. Он был вонючим и противным, никогда за собой не ухаживал, а его лицо было постоянно покрыто угрями и прыщами, отчего казалось ещё ужаснее.

Он рос избалованным и наглым. Ничего не воспринимая всерьёз, кроме своих собственных потребностей, Миша мог наорать даже на свою собственную мать, обливая её оскорблениями и унижениями. Его глупость была известна всем,

но как это обычно бывает, подобное компенсировалось злобным авторитетом и деньгами миссис Бэкстридж.

В приюте его боялись, а в остальном работал кошелёк.

Миша был одиноким и злобным ребёнком, отчего его нервная система была разорвана в клочья, а от непонимания этого он бесился ещё больше.

Вот и сейчас он капризничал без всякого повода, просто из вредности.

– Я хочу! Купи, купи, купи!!!

Он кричал, визжал и топал ногами по старому деревянному полу.

– Мама, у Бэри из моего класса она уже есть, и все они только с ним и водятся.

Словом «они» Миша всегда называл своих школьных друзей. Слово «друзья» тоже, наверное, нужно взять в кавычки, поскольку они дружили с Мишей, только тогда, когда у него появлялась какая-нибудь новая игрушка.

– А на меня они совсем не обращают внимания, – продолжал ныть Миша. – Поэтому купи мне эту штуку немедленно!!!

Последнее слово он выкрикнул так, словно его укусила собака.

Миссис Бэкстридж была прижата этим доводом в угол. Она не могла сказать своему сыну – НЕТ. А также то, что если она купит ему то, что он просит совсем не изменит ни его самого, ни его жизнь. А одноклассники будут с ним дружить

лишь до той поры, пока у кого-нибудь другого не появится игрушка поинтереснее. Ведь дело тут не в новомодных гаджетах, и не в стремлении быть на уровне развития технологий, а в том, что ты за человек.

Её сын рос совершенно не таким как все нормальные дети, и миссис Бэкстридж это знала.

Она была сильной и суровой женщиной, но открыть сыну глаза на его ненормальность она боялась больше всего на свете. Женщина боялась разрушить мир, который сама же и создала для себя и своего отпрыска.

Ещё после нескольких минут пререканий миссис Бэкстридж всё-таки сдалась на волю сына.

– Хорошо, хорошо, – сказала она уставшим голосом. – Я куплю тебе то, что ты просишь Миша. Только прекрати кричать и бить посуду. Весь приют слышит нашу ссору. Это не их дело, но всё-таки я прошу тебя впредь не устраивать таких истерик.

Радостный отпрыск засмеялся страшным пугающим смехом. Он кинулся на шею матери, и ещё какое-то время громко ржал. Затем отпустил мать, и громко топая своими ботинками по старым деревянным лестницам, побежал в свою комнату. Он всегда так делал. Нарочно, специально. Это меня жутко раздражало и долго мешало заснуть.

– Ну что там, Дони? – спросил меня Тим.

Они с братом вернулись в свои постели и сидели на них, закутавшись в одеяла.

Я обернулся к близнецам и, махнув рукой, сказал:

– Да, ничего необычного. Наш «любимчик» Миша выколотил из своей матери очередную прихоть.

Я медленно направился к своей кровати.

Рим и Тим с грустью посмотрели на меня. Они ничего не сказали, но я и без этого знал, о чём они оба подумали. К слову сказать, я подумал о том же. Работать нам теперь предстояло вдвое больше.

Глава 2. Тётушка

Просыпались в «Приюте Надежды» всегда рано, независимо от дня недели, всегда в семь часов утра. Во всех комнатах, где жили воспитанники, были установлены специальные таймеры, которые каждое утро в одно и то же время срабатывали с отвратительно жутким грохотом больше напоминающим звон ложки в пустой кастрюле, только гораздо громче.

Этот звонок гремел до тех пор, пока не опустеет последняя кровать во всём приюте. Затем он просто выключался, и так до следующего утра. Так начинался каждый день.

Проснувшись, мы направлялись в комнаты для умывания. Поскольку в приюте мальчики и девочки жили отдельно, то и умывальных комнат было тоже две. В «ракушке», так мы называли эти комнаты, было по два душа и по две раковины для умывания.

Миссис Бэкстридж экономила на всём, чём только могла. Я имею в виду воспитанников. Наша одежда была однотипной, сделанной из хлопка. Мальчики носили широкие брюки и рубашки с длинными рукавами на пару размеров больше положенного. Девочки, блузы и юбки. Куртки жуткого оливкового цвета, больше напоминающие робы заключённых только без номеров и вертикальных чёрно-белых полос. Ну и, конечно же, ужасные ботинки, казавшиеся мне дере-

вянными и невероятно тяжёлыми. Они постоянно давили на большой палец и натирали жуткие мозоли на пятках. Ходить в них было невозможно, поскольку они были мне совсем не по размеру.

Носки нам выдавали раз в месяц, да и то только когда на улице становилось холодно. Штопали мы их сами. В остальное время обувь надевали на босу ногу.

На головах мы таскали бейсболки, тоже невероятно страшные, сшитые из неимоверно мягкого искусственного материала в незапамятные годы прошлого или даже позапрошлого столетия с орлом, надписью USA и CALIFORNIA. На тыльной их части была обычная сеточка, которая не спасла ни от дождя, ни от солнца.

Пожалуй, сделаю некое лирическое отступление и расскажу вам, почему же у нас всё так плохо.

Наш приют располагался в городе Санкт-Петербурге, в старой его части, которая так и называлась – Старый город. В то время это был мрачный, сырой, загазованный и жуткий уголок мегаполиса.

За несколько лет до моего рождения разразилась страшная война между Америкой и Европой. Она привела к тому, что вся западная часть Европейского континента и Северо-американский континент лежали в руинах и стали полностью непригодны для жизни. Радиация уничтожила последние остатки жизни в этих краях.

Огромное количество беженцев наводнили Восточную

Европу и страны Азии. Миллионы людей хлынули в сторону России. Власти сначала пытались ограничивать и контролировать пропускной режим. Но когда ветры и течения с Запада стали разносить заразу войны по воздуху и течениями, заслоны рухнули. Тысячи и тысячи погибли от последствий того кошмара и продолжали погибать. Война навсегда изменила жизни всех жителей планеты Земля. Теперь не было французов или поляков, русских или англичан. Везде кругом насколько хватало взора, были люди. С огромным трудом и невероятными усилиями человечество объединилось для борьбы с последствиями ядерного ужаса.

Казалось, что теперь всё встанет на свои места и жизнь вскоре наладится. Но потоки беженцев не заканчивались. Радиоактивные ветры косили людей, словно пожар сено. Спустя первые десять лет после войны восемьдесят процентов тех, кто покинул опасные районы, умерли. Их дети оказались либо в их числе, либо неизлечимо больны. Лучевая болезнь убивала тысячами. Экология была нарушена по всей планете. Дышать становилось всё труднее. Был принят закон о воздухе. Теперь все были обязаны носить устройства фильтрации и платить за их использование. То, чем мы жили раньше, не обращая на это внимания, бесцеремонно тратили, не задумываясь об истинной цене, вдруг в одночасье стало бесценным. На улице стало невозможно находиться без специального респиратора. Человек мог погибнуть за один день без этого устройства. Во всех зданиях были установле-

ны системы контроля жизнедеятельности, и за них тоже приходилось платить. Если подобной системы не было, на помощь никто не приходил. Каждый день, чтобы просто дышать стал стоить денег. Жить стало ещё сложнее, чем раньше.

Порой по ночам мы выбирались из приюта и забирались на самую высокую крышу здания в нашем районе. Это была вышка телебашни. Как я уже говорил, пару лет назад с севера подул странный ветер. Он был чудесно свежим и очищал практически весь Северо-запад. Мы дышали. Северный ветер всегда был холодным и сладким, и нам казалось, что там, откуда он дует, нет войны, нет болезней. Мы считали, что там, на севере находится Рай.

Но это были лишь мечты. А тем временем жизнь в огромном городе покрытом вечным смогом и постоянно орошаемым обильными дождями, зачастую не всегда чистыми становилась всё труднее.

Однажды мальчик по имени Зан попал под такой дождь, а на следующее утро он проснулся в ворохе своих собственных волос. Они выпали у него все, за одну ночь и больше так и не выросли. А ведь ему было всего лишь восемь лет. Мир становился всё страшнее и страшнее. Мы понимали это гораздо лучше других, поскольку сталкивались с его реалиями каждый день.

Каждый день приносил что-то новое. Признаться честно, вести не радовали. Правительство закончило строительство

барьера, отделяющего наш мир от старого, разорённого войной. Граница эта проходила совсем недалеко от Петербурга. Поговаривали, что там за «Чертой», как стали именовать границу, всё ещё оставались люди. Те, что наотрез отказались покинуть свои родные края. Их были тысячи и их называли «Смертниками» из-за той судьбы, что они выбрали для себя. По прогнозам специалистов те, кто остались жить за «Чертой» обрекли себя и своих близких на скорую и мучительную смерть от тех последствий, которые причинила планете последняя война. Спустя годы о тех людях уже, казалось, совсем забыли.

В хрониках всё чаще мелькали новости о том, как очередное сборище преступников было выдворено за пределы «Черты». Новый мир не мог себе позволить содержать особо опасных заключённых в тюрьмах. Их называли «Изгоями» по одноимённому закону о преступниках, совершивших особо тяжкие преступления. По этому закону раз в месяц со всех окраин нового мира собирали самый жестокий сброд и публично выдворяли за пределы «Черты». Какова была их дальнейшая судьба, никто толком не знал, а большинству на это было просто наплевать.

Спустя год после принятия закона об «Изгоях» мир узнал о новой угрозе.

Произошло это во время очередного выдворения. Всё шло как обычно. Очередная толпа «изгоев» разбрелась по окрестностям мёртвого мира. Охранники за периметром

границы уже успели отпустить приличную порцию мерзких шуточек по поводу их дальнейшей судьбы, как вдруг дикий нечеловеческий крик нарушил тишину. Кровь от ужаса застыла в жилах. Охранники бросились на позиции и остолбенели в ужасе, глядя за пределы «Черты». Сначала они увидели, как все выпущенные ими преступники со всех ног бегут обратно к периметру границы, а за ними по мёртвой и заброшенной земле бежали странные уродливые существа. Описать их толком никому так и не удалось, настолько все вокруг были напуганы их появлением. Запомнились лишь жуткие клыкастые пасти, да противные паучьи глаза. Много глаз. Холодных и злых.

Никто из преступников не был впущен обратно. Большинство погибли в когтях монстров, остальных застрелили при попытке пересечь «Черту».

Признаться по правде, пересечь энергетический барьер высотой в четыре этажа не смогли даже жуткие монстры, но охранники застрелили только преступников. Ни одного трупа жутких тварей они не смогли предоставить для доказательства или изучения. За это вся смена была уволена. Поговаривали, что их тоже отправили за «Черту», но это были лишь слухи.

После этого инцидента преступников больше за границу нового мира не выпускали. Жуткие твари не появлялись больше. Да и преступлений после этого случая стало значительно меньше, так как оказаться за «Чертой» уже никому

не хотелось.

Мутанты стали самой жуткой страшилкой для детей. Ну и для нас в том числе.

Натянув на себя столь ненавистную одежду, я побрёл умыться. Подойдя к умывальной комнате, я встретил близнецов Рима и Тима, которые дружно зевали и ожидали своей очереди.

– Ты как раз во время, – сказал мне Тим, закрывая кулаком рот. – Мы как раз самые последние умыться.

– Да, здорово, – ответил я. – Как спалось вам, шалуны?

Я всегда интересовался их жизнью, поскольку эти двое мальчишек были мне ближе кого бы то ни было. Мы познакомились, когда они отбили меня у одного, очень злющего пса, когда я возвращался после похода на почту. Огромный драный волкодав набросился на меня без какой бы на то видимой причины и сильно разодрал мне левую ногу. У меня там остался огромный шрам с дырочками после шва. Потом мне делали дико больные уколы в живот, от которых всё тело болело, а потом меня тошнило. Близнецы закидали собаку камнями и она, скуля от боли, скрылась в ближайшей подворотне. Меня же они притащили в приют и вручили в заботливые руки тётушке Фиме.

Пожалуй, об этом человеке стоит рассказать поподробнее.

Тётушка Фима была для всех нас лучом света в царстве тьмы и страданий. Она работала в приюте поваром и медицинской сестрой одновременно, и всегда, я повторюсь, все-

гда была готова придти на помощь любому, кто нуждался.

Это была маленького роста женщина с кучерявыми, убранными под косынку седыми волосами. У неё были очень добрые глаза. Таких, как она, уже не встретишь в наши дни. Её мягкая улыбка, шершавая кожа на её руках и одежда, всегда пахнувшая свежим хлебом, полностью располагали к себе. Всех воспитанников она знала по именам, но называла то сыночком, то доченькой.

Несмотря на свой небольшой рост, как в физическом, так и в социальном смысле, тётушка Фима всегда была готова защитить любого из воспитанников приюта и не боялась указать на своё место как миссис Бэкстридж, так и её мерзкому сыночку.

За подобное любую другую уже наверняка выгнали бы на улицу. Но тётушка Фима, ко всему прочему вела дела бухгалтерии приюта, и поэтому, миссис Бэкстридж приходилось, сжимая зубы терпеть её. Найти где бы то ни было человека, подобного тётушке Фиме, готового работать поваром, медсестрой, да и бухгалтером одновременно за небольшое жалование в нашем прогнившем во всем мире было просто невозможно.

Вся семья тётушки погибла от радиации. Выжила лишь она. Часто она говорила нам, что Бог дал ей здоровье и силы, чтобы она могла помогать нашим бедам.

Как и многие беженцы, она долгое время искала работу. Но однажды заметила на крыльце дома маленькую светलो-

лосую девочку с сильным порезом на руке. Тётушка Фима помогла бедняжке. Она перевязала рану и проводила до приюта. Тут она увидела весь ужас детского горя и умоляла на коленях миссис Бэкстридж взять её на работу. Жадная карга Бэкстридж сильно колебалась, но когда узнала, что Фима раньше работала ассистентом хирурга в госпитале в Праге согласилась и позволила работать уборщицей на полставки.

Больше года тётушка Фима убиралась в приюте. Присматривала за детишками, иногда помогала по хозяйству. Как оказалось, кроме знаний врачевания у неё был чудный кулинарный талант. Спустя три года Фима стала поваром на кухне и местным доктором.

Детей, в отличие от миссис Бэкстридж тётушка Фима любила. Только благодаря её хлопотам детишки в приюте не голодали и были здоровы. Относительно, конечно.

Жила тётушка Фима в здании приюта. У неё была небольшая комнатка в столовой. Небольшая, но очень уютная. Я частенько бывал там, и пускай это была лишь маленькая комнатка, но более уютного места в своей жизни я не припомню.

Мягкий свет от старой лампы, батарея, на которой всегда что-то сушилось, запах свежего, либо жареного хлеба. А главное – ириски. Тётушка Фима всегда делала их сама, и ничего вкуснее я никогда не пробовал. Ириски были сладкими, со вкусом сливок, и они всегда липли к зубам, да так, что порой было челюсти не разомкнуть. От этого всегда подни-

малось настроение. А ещё мы пили чёрный чай.

Я не знаю, откуда тётушка Фима брала ингредиенты для ирисок и откуда умудрялась доставать чай. Живой растительности на планете к моменту моего появления на свет уже не было. Она погибла от радиоактивных осадков и ветров. Редкие плантации, на которых что-то выращивали, брали баснословные деньги за свой товар, а домашний скот и вовсе держали единицы. Вся еда в основном была концентрированной и модифицированной. Настоящих продуктов в продаже уже давно не было. Хотя поговаривали, что в районе Сибири всё ещё сохранились живые леса и поля, укрытые специальными каркасами, поддерживающими их жизнь.

Признаюсь, я нигде не был так счастлив и никогда не чувствовал себя более спокойно, как в той маленькой подсобке. Тётушка Фима рассказывала нам чудные истории про отважных рыцарей и прекрасных красавиц. Про драконов и волшебников, про добро и зло, про Бога и Дьявола и про их вечную битву.

Это были чудные мгновения в моей жизни. Возможно благодаря им, благодаря тётушке Фиме, её чаю, ирискам, её рассказам про драконов и принцесс мы все оставались детьми в это жуткое время и могли хоть ненадолго, но ощутить тот дивный вкус детства, которое должно быть у каждого нормального ребёнка даже в мире, напрочь уничтоженном войной.

Глава 3. Андроид

После завтрака мы отправлялись работать. Не стоит, наверное, лишний раз говорить, что детский труд запрещён и даже в нашем суровом мире приравнивался к рабству. Но что можно поделать, если о происходящем в подвале прачечной никому, ничего не было известно. Поэтому каждый день я и ещё несколько ребят направлялись на работу.

Там в подвальной стене приюта находилась труба, закрытая тяжёлым люком с тугой заглушкой. Открыть её самостоятельно никто из нас не мог, это всегда делала миссис Бэкстридж. Именно через эту трубу, грязную, вонючую, тёмную, кишасшую крысами и тараканами мы ползли целый квартал до прачечной нашей «Воспитательницы». От таких путешествий у меня сильно болели колени. Я помню, что когда только начинал работать в прачечной, мне на ноги надевали специальные наколенники, сделанные из пластика, такими пользуются солдаты. С помощью этих нехитрых приспособлений мои ноги со временем привыкли к нагрузкам, и теперь я ползал по трубам не боясь боли.

Главная «прелесть» этой трубы была в том, что по ней могли передвигаться только дети не старше десяти лет. То есть ростом чуть выше метра и весом не более... С этим, как вы понимаете, проблем в приюте не было.

Путь до прачечной занимал ровно час. Ползли мы по трубе в специально предназначенных для этого костюмах. Это были ОВЗК (Общевойсковой защитный костюм) старого, ещё мохнатых лет образца. А точнее, времён давно развалившейся страны, которой некогда было наше чудом существующее ныне государство. Ранее эти костюмы предназначались для защиты солдат от воздействия химии и радиации на поле боя. Но уже давно в войсках подобные меры защиты не использовались в силу морального старения. А поскольку на старых военных складах этого добра были целые тонны, то достались они миссис Бэкстридж за считанные копейки. Её даже никто не спросил о целях их дальнейшего использования.

Миссис Бэкстридж, однако, приспособила эти самые костюмы для наших путешествий по канализации.

Когда наш путь по трубе завершился, и мы оказывались в комнате прачечной, костюмы мы снимали и укладывали в специальный ящик. Там они обрабатывались и очищались, проходя полную дезинфекцию. Мы же тем временем переодевались и направлялись работать.

Прачечная была старой. Открыла её в давно забытые времена бабка миссис Бэкстридж, некая Бэлла Вэйд. На фасаде здания в своё время висел даже лозунг, выцветший от времени: «Отбели бельё у Бэллы». Ужас, не правда ли?

Снаружи внешний вид приёмной прачечной кое-как поддерживался в божеском виде. Раз в год миссис Бэкстридж на-

нимала мастеров, и они штукатурили стены, меняли настил пола и освещение. Но что касается подвала, в котором работали мы, то сюда не заглядывал ни один мастер наверняка ещё со времён открытия прачечной. Тут всегда было сыро, пахло плесенью и хлором. Можете поверить, что если люди, что сдают миссис Бэкстридж свои вещи в стирку, узнали бы о подобном, они не пришли бы сюда больше никогда. Да и вообще никто бы больше не пришёл, поскольку слухи распространяются гораздо быстрее радиации. Именно поэтому миссис Бэкстридж и держала свой секрет в такой строгости и страхе. В конце каждого рабочего дня она лично спускалась в подвал и инструктировала нас относительно этого дела. Её главными аргументами были два жутких кошмара.

Первый – это история о мальчике Паше, которую знал весь приют, и о которой всегда если и говорили, то только шёпотом.

Мальчик Паша также как и все мы работал в прачечной, но был он не простым ребёнком, а удивительным, поскольку совершенно не боялся гнева миссис Бэкстридж. И вот однажды, он устал терпеть её издевательства и решил рассказать всё людям. Он сбежал из приюта и отправился в полицию. Но миссис Бэкстридж успела перехватить отчаянного мальчугана по дороге и утащила обратно в подвал прачечной. Что стало с Пашей дальше, никто так и не узнал. Но вот кто был в подвале в тот день, кроме миссис Бэкстридж знали все.

Отсюда вытекал второй довод, всегда приводимый миссис

Бэкстридж и этот довод заставлял всех нас дрожать от ужаса. Это был старый сторож прачечной, мистер Крюмский.

Это был страшный тип. С виду он даже не был похож на человека. Большая часть его тела, была заменена протезами и всевозможными имплантами. Его внешний вид наводил на детей самый настоящий ужас. Так что главным оружием миссис Бэкстридж по большому счёту был страх.

Пугала она нас и очень жуткими историями о том, что мистеру Крюмскому, бывшему ветерану той страшной ядерной войны и по совместительству сторожу прачечной для нормального существования просто необходима свежая детская кровь. Молодая, живая кровь, то есть наша. Она говорила, что именно благодаря этой самой детской крови старый солдат всё ещё способен жить, и что только детская кровь поддерживает в нём жизненные силы. Мы же в свою очередь тряслись от страха при виде жуткого андроида по имени Герри Крюмский.

Рассказывали, что во время войны он оказался в самой гуще событий, и только чудом ему удалось спастись. В бою он потерял руку и получил множество других ранений. В госпитале врачи списали его со счетов, утверждая, что его дела совершенно безнадежны. В результате он едва не умер, но чудом providения выжил. И хотя больше половины его тела заменили на искусственные импланты, он не сдался, а выйдя из госпиталя ещё в течение нескольких лет обучал и тренировал новобранцев для военных подразделений, пока

вовсе не стал плох и, в конечном счёте был вынужден уйти в отставку.

После увольнения из армии, он долгое время ничем не занимался. Постоянно торчал в барах, где попросту напивался и дрался со всеми подряд.

Но однажды возвращаясь из бара, он заметил, как двое крепких хлопцев зажимают в тёмном переулке какую-то даму с ребёнком. Они угрожали ей расправой и пытались отобрать сумочку. Крюмский хоть и был пьян, но военный долг всё же возобладал над его затуманенным сознанием. Он быстро раскроил головы мерзавцам, а спасённая им дама оказалась миссис Бэкстридж, тащившая в подвал мальчика по имени Паша.

Крюмский предложил проводить бедную женщину с ребёнком до их жилища. Что там тогда случилось в подвале этой чёртовой прачечной? Куда пропал несчастный мальчик Паша? И почему после всех этих событий мистер Крюмский стал работать на миссис Бэкстридж сторожем? Этого никто так и не знал.

Сказать по правде, охранять в прачечной было совершенно нечего, разве что её страшные секреты. Оборудование, которое расхваливала своим клиентам миссис Бэкстридж, существовало лишь в её фантазиях, а выручку она каждый вечер отправляла в креп-блок. Это специальный индивидуальный контейнер, предназначенный для хранения и транспортировки чего-либо ценного. Каждый вечер к прачечной

подъезжала специальная машина и при помощи установленного в виде трубы в прачечной устройства, контейнер отправлялся в её лоно. Его словно засасывало мощным потоком ветра. В одно мгновение контейнер исчезал из виду. Утром машина приезжала вновь, и контейнер возвращался обратно.

Поскольку присутствие мистера Крюмского в прачечной было больше символическим, нежели надлежащим, он нашёл себе нехитрое занятие. Каждый вечер после окончания рабочей смены, когда все мы облачившись в столь ненавистные костюмы уползали по трубе, а миссис Бэкстридж закрывала свою лавочку и пешком отправлялась в приют, мистер Крюмский заваривал себе крепкий кофе, доставал из старой коробки толстую и крепкую сигару и включал свою любимую музыку в стиле регги на непонятном плоском устройстве. Затем он передвигал огромный стол в приёмной подальше от окон, опускал тяжёлые жалюзи, и начиналась его личная церемония.

Сначала он выпивал кофе, делал несколько глубоких затяжек сигары, откинувшись на спинку крепкого кресла из старого дуба, обитого протёртой кожей. Когда его голова затуманивалась от табачного дыма, он поднимался и шёл к огромному столу. Вот там-то и начиналось всё самое интересное.

Усевшись на стол, мистер Крюмский по очереди отстёгивал свои ноги, так как обе они были некогда ампутированы

из-за надвигающейся гангрены. Отстегнув протезы, он разбирает их основные механические компоненты и начинал бережно протирать и смазывать. То же самое он проделывал и со всеми своими остальными протезами.

Сырость, что царила в подвале прачечной, очень плохо сказывалась на состоянии искусственных частей его тела. Эту процедуру мистер Крюмский проводил практически каждый вечер. Со стороны это выглядело весьма печально, хотя в его положении это было скорее в порядке вещей. А вот для обычного, нормального, ну в смысле вполне здорового человека данные деяния смотрелись весьма и весьма необычно, если не сказать больше.

Вы только попробуйте себе представить картину того, как человек разбирает себя по частям, чтобы почистить, смазать детали, подкрутить там что-то. Ну, очень «приятное» зрелище. Не правда ли?

Поскольку всё это мистер Крюмский хранил в глубочайшей тайне, никто и никогда наверняка не узнал бы об этом. Не будь в нашем приюте Зюзи.

Глава 4. Зюзя

Об этом постояльце нашего приюта стоит рассказать особо.

Начну я, пожалуй, с того, что всем сразу становится интересно и о чём всегда спрашивают в первую очередь. Почему Зюзя? Я не знаю. Его всегда так звали, насколько я помню. Откуда Зюзя взялся в приюте я тоже не могу сказать. Хотя признаться, я однажды даже попытался это выяснить, но случилось то, чего я даже и представить не мог. Выяснилось, что истины никто точно не знает. Каждый раз, когда я пытался узнать, у кого бы то ни было историю появления Зюзи, я всегда натыкался на новую ещё более фантастическую версию. Потратив на это почти неделю, я оставил сие бесполезное занятие. Но кое-что я всё-таки выяснил.

Кто-то говорил, что Зюзя жил в приюте всегда. Другие говорили, что его приволок сюда мистер Крюмский. Была даже версия, что он некий дальний родственник миссис Бэкстридж. Но после разговора с тётушкой Фимой эта версия отпала.

Сама же тётушка утверждала, что Зюзя сам прибился к приюту, но когда и как именно это было, она вспомнить не могла, ссылаясь на свой возраст и плохую память.

Сам же Зюзя был парнем несловоохотливым и разговари-

вал очень и очень редко. В основном только когда хотел этого сам. Да и вообще, был он очень тихим, я бы даже сказал неприметным. Мог пройти мимо тебя, а ты его даже не заметишь. Причём делал он это исключительно в подходящих для этого случаях. Возможно, именно поэтому о его появлении в приюте никто ничего толком и не знал.

Роста Зюзя был маленького, едва ли чуть выше метра. С чёрными цвета вороньего пера волосами и большими голубыми глазами. Глаза, кстати сказать, были у него очень зоркие, а уши слышали больше, чем нужно.

Было у Зюзи одно свойство, о котором знали все обитатели приюта, но без особой надобности об этом не упоминали. Был наш Зюзя отличным шпионом. Всегда оказывался в нужное время в нужном месте, причём, совершенно не прикладывая к этому ни малейших усилий. Именно от него мы узнавали, что будет на ужин, когда будут раздавать новую одежду, какого цвета нижнее бельё у миссис Бэкстридж и в кого влюблена самая красивая девочка в нашем приюте.

Одним словом, Зюзя знал всё. Благодаря своей исключительной незаметности и странному дару своей природной безалаберности, он проникал куда угодно, причём порой даже не замечая, как ему это удавалось. Странность Зюзи выражалась в его исключительной особенности. Он мог легко задуматься или замечтаться о чём-либо и незаметно для окружающих и самого себя попасть в секцию к девочкам. Там он мог усесться где-то в уголке, и продолжая размыш-

лять о чём-то своём параллельно слушать, о чём говорят окружающие. Информация автоматом оседала в его памяти, а когда приходило время, он её непроизвольно выдавал.

Ради примера могу привести историю с Римом и Тимом, моими соседями по комнате. Эти два шалопая стащили где-то банку со сгущёнкой и спрятали. Никто кроме них об этом не знал, и когда к нам в комнату пришла тётушка Фима с вопросом, не видели ли мы банку со сгущёнкой, Зюзя появившийся словно из ниоткуда выдал всё как на духу. Он рассказал, глядя в книжку и как всегда витая в облаках, что Рим и Тим стащили банку и спрятали в свой тайник за книжной полкой. Пока тётушка Фима доставала банку, а Рим и Тим с красными от стыда лицами просили у неё прощения, Зюзя смылся.

Не нужно думать, что делал он это сознательно или специально. Нет. Просто таким он был.

С таким же успехом Зюзя мог путешествовать где угодно и с таким же успехом мог уснуть где угодно и затеряться. Поэтому когда вечером все ложились спать, считалось, что Зюзя тоже спит, поскольку очень часто его просто не могли найти.

Зюзя конечно же знал о своей необычной особенности, но особого интереса или гордости за неё не испытывал. Ему было абсолютно наплевать, что про него говорили и что о нём думали. Хотя возможностей удрать из приюта у него было множество. Где бы Зюзя ни терялся он всегда, я подчёрки-

ваю, всегда приходил на завтрак.

Но вот однажды этого не произошло и все не на шутку разволновались. Тут же поползли первые слухи и пересуды о том, что Зюзя наконец-то поумнел и воспользовался своим даром, чтобы сбежать из этого жуткого места. Другие говорили, что его, как и Пашу, наверняка растерзал мистер Крюмский. А кто-то даже высказал мнение, что Зюзя умер.

Среди воспитанников приюта нарастала паника. Все не на шутку перепугались.

Но ситуацию в свои руки взяла тётушка Фима и быстро всех успокоила. Она сообщила, что сегодня же обыщет весь приют, и что если к вечеру не отыщет Зюзю, то тут же доложит об этом миссис Бэкстридж, а уж та пусть сама решает искать мальчика дальше или нет.

В то время когда мы завтракали, хозяйка приюта и её сынок ещё спали. Разбудить их так рано означало навлечь на себя и всех окружающих жуткую кару миссис Бэкстридж. Поэтому, было решено успокоиться и продолжать делать то, что и раньше. Так мы и поступили.

Закончив завтрак, мы отправились собираться на работу. Полчаса сборов, затем час в трубе коллектора и вот мы в прачечной. Мистер Крюмский открывает тяжёлую заглушку. Мы переодеваемся, отправляем костюмы ОВЗК в чистку и идём переодеваться. Затем забираем вещи, которые поступили за вчерашний день. Девочки перебирают одежду, откладывая в сторону повседневные вещи, отделяя их от рабо-

чих, грязных и засаленных. Далее одежда развозится по разным мойкам, где и обрабатывается нами индивидуально.

Когда я катил в подвал очередную тележку, она показала мне на удивление тяжёлой. Бывало такое нечасто и то, когда бойцы со стены гостили у нашей соседки мадам Тулим, которая держала небольшую гостиницу через дорогу от приюта. Тогда эти пятеро здоровяков притащили в прачечную миссис Бэкстридж всю свою боевую броню. Бронежилеты, каски, кители и штаны со специальными защитными щитками, вшитыми в локти и колени, неподъёмные сапоги и, конечно же, каркасы.

Каркас – это специальная одежда, разработанная для военных ещё до великой войны. Она представляла собой смесь одежды и нанотехнологий последнего поколения. Выглядел каркас, словно обычное нательное бельё и изготавливался по индивидуальным размерам каждого бойца. Это была высокотехнологичная система жизнеобеспечения, защищавшая бойца от холода, жары, влаги и даже радиационного облучения. Каркас поддерживал нормальную температуру тела солдата, полностью контролировал показатели здоровья во время боя и даже мог подлечить человека, давая ему возможность самостоятельно дотянуть до ближайшего центра спасения жизни. Иными словами, это была вторая кожа, напичканная кучей датчиков и всевозможными контроллерами и сканерами. Стоила такая штука баснословных денег, но благодаря опять же новейшим системам изготавливалась с ре-

сурсом использования до десяти лет. Каркас не боялся грязи, влаги, огня. Он мог подстраиваться под особенности организма человека на случай, если тот похудеет или располнеет. Полностью герметичный каркас служил лишь дополнительной системой защиты. Основную же функцию брони выполняло специальное защитное обмундирование.

Многие мечтали об этом чудном устройстве. Но, к сожалению, получить его можно было только вступив в части регулярной военизированной армии, подписав соответствующий контракт и вверив своё тело и душу защите Родины не менее чем на десять лет.

Весили каркасы около пяти килограмм, и я поначалу подумал, что в тележке лежат именно они.

Но когда я высыпал содержимое на пол, то от изумления открыл рот. В куче грязного белья мирно спал Зюзя. Он проснулся только тогда, когда получил от меня хорошего пинка.

– Вставай, поганец, – сказал я, – мы тут с ног сбились искать тебя. Что ты тут делаешь?

Зюзя протёр заспанные глаза. Нехотя поднялся, взглянул на меня, улыбнулся и вдруг... Он как будто что-то вспомнил. Его глаза округлились, и в них я отчётливо увидел неподдельный страх.

Он быстро осмотрелся по сторонам, затем присел, словно мышка и мигом скрылся за тележкой.

– Да что с тобой такое? – не понимая, что происходит

спросил я, заглядывая за тележку.

Тут-то Зюзя и рассказал мне о том, что он видел ночью. Оказалось, что он как обычно по своей растерянности о чём-то задумался и совершенно не заметил, как все ушли. О том, что Зюзя мог остаться в прачечной никто даже не подумал. Осмотревшись по сторонам, он услышал шаги наверху, и подумал, что возможно это миссис Бэкстридж всё ещё работает. Он подошёл к лестнице и направился наверх, в приёмную. Но там никого не было. Никого, кроме мистера Крюмского, который к моменту появления Зюзи практически полностью себя разобрал. Подобного зрелища Зюзя во все не ожидал увидеть. Он испугался и спрятался в корзину с грязным бельём. Наблюдая за мистером Крюмским из своего укрытия, Зюзя увидел всё. Он видел, как мистер Крюмский перебирал, смазывал и протирал свои протезы и запчасти. Как доставал свои импланты и проверял их работу на каком-то странном специальном устройстве. Как достал старый андроид какую-то чашку с дымящейся густой тёмной жидкостью и протёр ею все свои запчасти, а потом ещё и отхлебнул из неё. Это навело Зюзю на мысль о тех жутких историях, которые рассказывала нам миссис Бэкстридж. Он воочию убедился, что все байки про кровожадность старого сторожа, правда.

Затем мистер Крюмский долго дымил из какой-то жутко вонючей штуки и громко кашлял. А когда он подскочил и резко рванул в сторону скрывающегося в тележке Зюзи, тот

тут же потерял от испуга сознание. А вот как он проснулся, вы уже знаете.

Глава 5. Машенька

Несмотря на все трудности и невзгоды, что преследовали нас в приюте, были здесь и светлые мгновения. Таких мгновений было три. Для одного года не так уж и много.

Первое – это, конечно же, Рождество. Когда-то давным-давно один из мудрых правителей уже давно несуществующей ныне страны повелел всем отдыхать и праздновать Новогодние торжества в течение десяти дней первого месяца нового года. Мы отдыхали целую неделю, поскольку прачечная в эти дни не работала, а миссис Бэкстридж сама любила побездельничать. Мы радовались и были счастливы. В пору детства всё кажется больше, чем есть на самом деле. Вот и для нас целых десять дней праздников были без преувеличения сказать почти что отпуском. До сего дня Новый год один из моих любимых праздников.

Мы наряжали ёлку. Не живую конечно, а искусственную. У нас были самодельные игрушки и чудные украшения, которые придумывали мы сами. Ну и как полагается, мы дарили друг другу подарки. В большинстве своём это были сделанные своими руками безделушки, но порой попадались и по-настоящему чудные вещицы.

Конечно же, мы их прятали, поскольку во время нашего отсутствия в приюте сынок миссис Бэкстридж очень любил

порыться в наших вещах, он тащил всё и даже то, что ему было совершенно ни к чему. Воровал он часто, и чаще всего просто из жадности.

Однажды он забрал из тумбочки Рима карманный библиотекарь. Зачем он ему понадобился, мы не знали. Читать Миша никогда не любил, да и к книгам относился не более как к подпоркам для ножек стола.

А вот Рим очень любил читать. Он хоть и был мал ростом и годами, но жить не мог без книг. Этот библиотекарь подарила ему тётушка Фима, когда узнала о пристрастии мальчика к книгам. Устройство было простым. Это была обычная электронная книжка, но с доступом в сеть. Рим частенько бегал к мадам Тулим в гостиницу, чтобы подключиться и скачать очередную испещрённую словами историю. Досадно было, что у устройства имелась маленькая память, и более пяти десятков книг сохранить, там не удавалось. Но Рим не расстраивался. А тётушка как-то сказала ему, что на следующий новый год подарит новый блок памяти. Рим радовался целую неделю.

Тётушка Фима всегда старалась нам помогать. Мне же она подарила на прошлое Рождество микросканер, маленькое устройство, сканирующее пространство во всех мыслимых диапазонах. Оно цеплялось за ушную раковину и одевалось на глаз. Изображение автоматически попадало на сетчатку и показывало все внешние данные, а пояснения передавались по микрофону в ухо.

Такие сканеры уже давно были распространены, поскольку помогали жителям земли не угодить туда, куда не следовало. С помощью данного прибора можно было просканировать пространство вокруг себя и узнать, где повышенный радиационный фон, а где слишком большая влажность или предупреждение о неплотно закрытом канализационном люке. Кто из окружающих тебя людей болен и с ним не следует долго общаться, поскольку можно подхватить вирус. Весьма полезная вещь. Моя модель была не из последних, но были и такие, у которых имелся увеличенный радиус действия, и о результатах сканирования можно было узнать за несколько сотен метров. В общем и целом штука это была полезная.

Второе счастливое мгновение было, весьма относительным, но всё же было.

День рождения Миши. Радости нам это особой не доставляло. Но зато мы могли целый день посвятить самим себе, сидя в своих комнатах. Так называемые Мишины друзья, которые приходили к нему на праздник, были из семей, что терпеть не могли беспризорников типа меня и всех кто жили в приюте. Нам всем строго настрого было запрещено показываться перед ними в этот день. Поэтому, мы спокойно сидели в своих комнатах и наслаждались тишиной и спокойствием.

Ну а третья радость нашей жизни состояла в дне рождения самой миссис Бэкстридж. Каждый год на свой день рождения она вместе с Мишей уезжала за Уральские горы. Там всё

ещё сохранились закрытые заповедники, окружённые специальными куполами и системами поддержания естественной природной среды. Там были созданы специальные медицинские учреждения, в которых за немалую сумму можно было поправить своё здоровье. Дышать свежим воздухом и пить кристально чистую воду. Эта поездка вошла в ежегодную традицию семьи Бэкстридж, и мне порой казалось, что этого дня мы все ждали больше, чем Рождества.

Но кроме всего этого была у меня в приюте и ещё одна радость, которая не могла сравниться ни с чем. Ни один праздник или подарок не радовал мои глаза, сердце и душу больше, чем Машенька.

Была она причудливой светловолосой девчушкой с неотразимой и завораживающей улыбкой. Простой, словно никакие трудности не касались её вовсе. У неё были необычайно красивые карие глаза с крупинками чёрных точек. Личико резное, словно у куклы. И самое главное – это её косички! Сплетённые за головой две безумно смешные с простыми бантиками они всегда вызывали у меня улыбку. На душе становилось так легко и светло, и казалось, что все заботы уходят, исчезают, мчатся прочь и уже никогда больше не вернуться.

Я так любил смотреть на Машеньку, что порой просто забывался и надо мной часто подшучивали, передразнивая моё глупо улыбающееся лицо. Машенька, конечно, всё это видела и понимала, что нравится мне. В нашем жестоком

мире дети взрослеют куда раньше. А сироты и вовсе, как мне казалось, рождаются уже взрослыми.

Вот и Машенька была для своих восьми лет очень умным девочкой и частенько давала моим дразнилкам тумачков. Мы никогда не разговаривали о нас, мы понимали всё без слов. Она всегда была готова поддержать, поговорить или помочь, если нужно. Это было приятно. Приятно иметь рядом кого-то, кто понимает и всегда готов прийти на выручку. Признаюсь, красивее Машеньки я никогда, никого в жизни не встречал.

С ней мы часто выбирались на крышу и поднимались на телебашню, и когда дул северный ветер мы дышали и мечтали. Я рассказывал ей о том, что однажды, когда вырасту я отправлюсь искать новый мир. Рим вычитал в какой-то книжке, что далеко-далеко на севере там, где не то, что не было войны, и куда даже не ступала нога человека, сохранилась целая страна. Она была скрыта от людских глаз тысячи лет и лежала подо льдами. Что нет там грязи и смерти, что воздух там чист и свеж. Что там якобы всё ещё жива природа. Полно птиц и зверей и полным-полно деревьев, живых деревьев. Что каждую ночь отворяет этот мир свои чудесные ворота и выпускает в наш мир чистый воздух, которым мы с ней сейчас дышим. Делают это сильные и мудрые люди. Они знают, что мы страдаем, и хотят помочь нам.

Машенька слушала меня и улыбалась. Только тут на крыше, я мог быть с ней таким откровенным и открытым. А од-

нажды я даже сумел поцеловать её в щёку, но тут же моё лицо окутал невыносимый жар, когда она взглянула в мои глаза. Я смутился, а она рассмеялась.

Время рядом с Машенькой пролетало невероятно быстро. Пару раз мы даже едва не прозевали момент, когда приходило время возвращаться в приют. Огромный мегаполис завораживал наши взоры, когда мы стояли на вершине телебашни. Мы наблюдали за жизнью огромного города. Башня находилась на небольшой возвышенности, и вид на город с неё открывался просто потрясающий. Мы могли видеть освещённые огнями дома и дороги. По ярким линиям магистралей постоянно сновали машины. Они словно яркие жуки неслись в огромный городской улей и обратно. В небе мерцали искры летательных аппаратов, которые перевозили людей на дальние расстояния. Рим рассказывал, что когда-то были такие жуки, их называли светлячками. Ярко мерцающая в ночном воздухе, они светились и летали от дерева к дереву.

Вдалеке виднелись огромные здания нового мира, созданные руками людей и новых умных машин. Эти здания были похожи на огромные светящиеся столбы, поставленные вплотную друг к другу. Они светились ярким белым светом, словно облепленные теми самыми чудными светлячками. Во все стороны от огромных столбов тянулись здания поменьше, а между ними струились вереницы дорог. Они словно горящие светом реки вытекали из гигантских небоскрёбов и ручейками растекались по всему городу. Мы часто гадали,

кто может жить в таких домах, что за комнаты там и сколько человек вмещают эти гигантские здания?

Когда ночь начинала уступать место рассвету, мы по-тихому, чтобы никто нас не услышал, возвращались в свои комнаты. А утром жизнь продолжала свой привычный ритм.

Девочки не всегда работали в прачечной. Почти всегда кто-то из них оставался в приюте помогать тётушке Фиме на кухне. Так случилось и в этот раз.

Машенька осталась в приюте. Она и ещё несколько девочек отправились на кухню. Всё шло хорошо, пока на кухне не появился Миша. У мальчика с утра сильно болел живот и он остался дома вместо того, чтобы отправиться в школу. Он по обыкновению зашёл на кухню перехватить что-нибудь перед обедом. Сын миссис Бэкстридж был весьма несдержан в еде и ел много и часто. Не удивительно, что у него часто болел живот.

Схватив с подноса булочку, он жадно засунул её себе в рот и тут же взялся за вторую. Свободной рукой он принялся наливать себе синтетическое какао. В этот момент на глаза ему попала Машенька. Девушка как раз готовилась поставить в духовку очередную порцию готовых форм с тестом.

Оговорюсь, это важно, поскольку в этом есть сама суть. Вся система отопления в нашем приюте, а также все плиты, духовки и пароварки работали на природном газе. Были они стары как мир и часто ломались, порой приводя к пожарам и утечкам газа. Поэтому, тётушка Фима каждый раз инструк-

тировала своих помощниц по этому поводу.

Так вот, заметив Машеньку, сынок миссис Бэкстридж отставил в сторону кружку с какао, положил вторую булочку на стол и стал тихонько подкрадываться к ней сзади.

– Бах! – крикнул он что было сил, когда оказался за спиной у девушки.

Машенька подскочила как ошпаренная. От страха она выронила поднос с формами, одна из которых угодила прямоком в лоб Мише. А поскольку формы были старые, металлические, то изо лба хулигана тут же пошла кровь. Машенька упала на пол, а Миша взревел от боли. Противная ухмылка с его лица испарилась в мгновение ока. Он схватился за разбитый лоб. Вид собственной крови взбесил Мишу ещё больше и с криками:

– Неуклюжая дрянь! – он набросился на лежавшую на полу Машеньку.

Когда его оттащили в сторону, весь пол кухни был забрызган кровью. Тётушка Фима и остальные были в ужасе. Она первым делом бросилась к Машеньке. Все сначала подумали, что это Миша так забрызгал девушку своей кровью. Но когда женщина опустилась возле девочки, то поняла, что кровь, которой она испачкана, её собственная.

Машенька была мертва. На полу рядом с телом валялся вымазанный кровью молоток для отбивки мяса. Маленький ублюдок забил бедную девочку до смерти. Забил живого человека. За что? За то, что получил по заслугам из-за своей

же беспросветной глупости?

О смерти Машеньки и о том, как именно она умерла, я узнал спустя несколько дней от тётушки Фимы. Миссис Бэкстридж строгойше приказала всем молчать. Она угрожала расправой любому, кто только посмеет хоть словом обмолвиться о том, как умерла Машенька. В тот же день она побежала в полицию и написала заявление испачканное слезами и тушью для ресниц об исчезновении одной из воспитанниц. Но перед этим по её же приказу тело бедной Машеньки было вывезено мистером Крюмским в грязном багажнике его старого драндулета на самую дальнюю свалку города. Спустя неделю, тело девочки нашли бродяги и сообщили об этом в полицию. К этому моменту тело уже изрядно обглодала местная живность, и опознали сиротку только по маленькому тряпичному браслету на руке. Такие метки были у всех воспитанников приюта, в них хранилась капсула с краткими данными о ребёнке. Полиция сочла смерть Машеньки результатом похищения неким маньяком и по истечении нескольких недель закрыла дело. Всем остальным была проведена профилактическая лекционная беседа на тему того, как не следует доверять незнакомцам и сбегать из приюта, поскольку в округе нашего района орудуют немало убийц, преступных банд и всевозможного сброда бороться с которым у полиции и так не хватает сил. О стаях диких собак оккупировавших округи города и без рассказов полицейских знали все.

Все были подавлены и очень напуганы. Зло, подобное этому, ещё ни разу не затрагивало наши и без того слабые души. Все теперь боялись. Боялись, что подобное безнаказанное зло может повториться и неизвестно кто станет следующим.

Миша ходил и скалился от счастья, что всё это сошло ему с рук. Он стал ещё наглее и ещё злее и теперь задибался с воспитанниками без малейшей опаски получить нагоняй от матери. Если раньше он просто огрызался и максимум что мог себе позволить, это напугать, замахнувшись кулаком, то теперь от простых замашек он перешёл к действиям и вскоре синяки на лицах воспитанников стали привычным делом.

Я же замкнулся в себе. Мой единственный лучик света исчез, и я погрузился в беспросветный мрак. Эта тьма сжигала меня изнутри болью, злобой, ненавистью и страшным желанием убить столь ненавистного мне Мишу.

Долгими тёмными ночами я стал вынашивать зловещие планы о том, как мне сделать это. А однажды, когда Миша попытался ударить и меня я осознанно понял, что готов совершить задуманное. Мечь кипела во мне, словно в вулкане столетняя магма. При виде этого жалкого толстого уродца я начинал трястись от злобы и ненависти.

Первыми это заметили Рим и Тим, мои верные друзья. Они тут же брали меня за руки и сжимали их с такой силой, что я едва не кричал от боли.

Я знал, что моя жизнь уже никогда не будет прежней, та-

кой, какой она была при Машеньке. Моя жизнь изменилась навсегда. В один миг весь мой мир, который не был ко мне благосклонен, но который я терпел, поскольку мне помогала в этом Машенька, рухнул. В один миг прежний я исчез. Он умер вместе с той, которую любил. А на свет появился совершенно другой человек. Совсем другой.

Глава 6. Совет

Свет погас. Марц-Элл вошёл в небольшой тёмный зал. Там его уже смиренно ожидали двое. Одеты они были в простые бирюзовые накидки, на ногах мягкие сандалии, волосы на голове аккуратно уложены.

Марц-Элл взглянул им в глаза. Встречающие синхронно поклонились ему. Не говоря ни слова, они сделали Марц-Эллу приглашающий жест и, развернувшись, шурша одеждой, в полной тишине пошли прочь, удаляясь из зала. Марц-Элл последовал за ними.

Пройдя зал, они вошли в небольшую арку и тут же свернули влево. За поворотом начиналась лестница, ведущая вверх. Лестница оказалась на удивление высокой, поскольку Марц-Элл совершенно потерял ощущение времени, пока поднимался по ней. Он ни единожды укорил себя за столь необдуманное соглашение. Ну и заодно мысленно обругал этих странных типов, что вели его по лестнице. При уровне развития технологий его цивилизации гостей могли бы доставлять и на лифте, а не заставлять их, неведомо, сколько времени тащиться вверх по лестнице.

Поднимаясь вверх, лестница всё время делала плавный поворот вправо. Марц-Элл понял, что она огибает некое строение. А раз окон с правой стороны не было, то не трудно

было догадаться, что именно это за строение. В столице планеты Колл Серфе было лишь одно здание такой конструкции и нужно было совершить немыслимое, чтобы оказаться в его недрах.

Когда подъём завершился, его взору открылась огромная резная дверь, выполненная из странного светлого металла. На фоне мрачноватого коридора с лестницей она выглядела словно вход в святилище. Марц-Элл сразу узнал эту дверь, поскольку такие двери уже давно не использовались в его мире. Но когда-то давно ими отгораживали жилища.

Двое спутников Марц-Элла отворили перед ним причудливые створы и всё такими же плавными жестами пригласили мужчину войти внутрь.

Оказавшись в помещении, Марц-Элл осмотрелся. Оно было большое, украшенное в стиле давно забытой старины. На стенах висели картины – пейзажи, портреты. Возле стен стояли всевозможные изваяния, скульптуры, памятники. Красота этих предметов поражала воображение своей точностью исполнения и грациозностью размаха.

Марц-Элл тут же узнал эти артефакты. Это были предметы искусства одного очень любимого им мира. Он уже давно был очарован мастерством тех, кто создавал эти шедевры и посвятил многие годы их изучению и сохранению. Помещение воистину было огромным. Оно напоминало величайший музей, в котором хранились картины, фрески, скульптуры, вазы, предметы древнего зодчества, старинные рукопи-

си, украшения из драгоценных металлов и ювелирные изделия, всевозможные творения и чудеса некогда могущественной цивилизации.

Марц-Элл любовался, открыв рот. Он никогда раньше не был в этом месте, но многое слышал о нём и сейчас поражаюсь, как можно было так долго скрывать подобную красоту от его пытливого и жаждущего знаний ума.

Осматриваясь, он совершенно позабыл о цели своего визита. Неизвестно сколько времени прошло после того как он попал в это чудное помещение. Но в один момент он почувствовал на себе чей-то настойчивый взгляд. Мужчина обернулся и увидел магистра Вуто – Главного блюстителя истории миров и цивилизаций галактики.

Вуто был хорошо знаком Марц-Эллу. Некогда блюститель обучал его, и юный историк был весьма высокого мнения о знаниях Вуто.

Магистр был по обыкновению одет в ярко-красные одежды – символ великих знаний. Казалось, он стал ещё меньше с тех пор, когда Марц-Элл видел его в последний раз. Даже тогда Вуто едва доставал своим ученикам до плеча. А сейчас он, склоняясь под старостью циклов (один цикл равен 2 годам земного времяисчисления – *прим. автора*), вряд ли дотянулся бы своему ученику до груди. Но, несмотря на свой преклонный возраст, он улыбался всё так же жизнерадостно за что и получил прозвище «оптимист». Магистр оперся на свою длинную трость и медленно двинулся в сторону Марц-

Элла.

– Здравствуй, мой дорогой ученик, – сказал он мягко. – Я вижу, ты поражён?

Марц-Элл не сразу нашёлся, что ответить. Он с трудом подобрал слова и произнёс:

– Вы, как всегда правы, учитель. Я, признаюсь вам честно, невероятно поражён таким огромным избытком великолепных артефактов. Откуда они тут взялись? Почему я об этом ничего не знаю?

Вуто легонько усмехнулся и наконец-то приблизился к осматривающемуся по сторонам ученику.

– Это из моей частной коллекции, – сказал он, – именно поэтому вы и другие, кто ничего об этом не знаете.

Марц-Элл только сейчас вспомнил, что ни разу не был в доме Вуто, хотя много слышал о его уединённом гнезде. Когда он был студентом, по магистрату ходило много слухов о доме Вуто. Но ученики и их учитель всегда встречались либо на лекциях, либо в Академии, либо в глобальной сети или в хранилище знаний. Но ни разу у старика дома.

На самом деле никто и никогда не был там лично, поэтому, байки гуляли разные. Одни утверждали, что у него там наблюдательный пункт, и что с высоты своей башни великий магистр бдит за всеми мирами. Другие поговаривали, что там у него мрачная пыточная лаборатория ужаса, куда он свозит образцы со всех миров и препарирует. Третьи утверждали, что Вуто простой затворник и не любит гостей.

На самом же деле оказалось, что Главный блюститель истории миров всего лишь ревностный коллекционер и преданный фанат своего любимого дела.

Понятие «старик» к Вуто относилось в самом прямом смысле слова. Было ему около тысячи циклов, что по меркам цивилизации Марц-Элла запредельно много.

– Я надеюсь то, что вы тут увидели, не станет достоянием чьих-либо ушей? – с насмешкой спросил Вуто.

Марц-Элл тут же округлил свои глаза и, запинаясь в словах, ответил:

– Нет. Нет. Конечно же, нет, учитель!

– Хорошо, – вновь улыбнулся старик. – Но я пригласил вас сюда отнюдь не за этим, друг мой.

Он жестом пригласил Марц-Элла следовать за ним. Подобного рода заявление вызвало у молодого учёного явный интерес.

– Я пригласил вас, так как знаю, что вы самый юный и самый одарённый исследователь человеческой цивилизации. Вы добились огромных успехов в изучении анализа и планирования существования этой расы. Ваш доклад на коллегии о помощи перспективным мирам произвёл на меня огромное впечатление. Именно поэтому, я хотел бы услышать от вас лично, что вы думаете о сегодняшнем положении дел на Земле и о перспективах существования людей в целом?

Магистр угодил в самую точку. Мысль эта не единожды посещала голову Марц-Элла. Он знал о глобальности про-

блемы, но не думал, что его спросят об этом вот так откровенно прямо в лоб.

Марц-Элл несколько мгновений смотрел на Вуто удивлёнными глазами, потом видимо сумел собраться с мыслями и начал свою речь:

– Человеческая цивилизация прекрасна, магистр. Вы и сами это знаете не хуже меня. Нет во всей вселенной более чудных созданий, чем люди. Не мне это вам объяснять, – молодой историк прокашлялся и затем продолжил. – Я прекрасно знаю, как вы относитесь к их великим культурам и насколько сильно любите, и мне признаться, слегка непонятен смысл вопроса, поскольку вы сами в силах решить данную проблему, не прибегая к помощи как моей, так и кого бы то ни было.

Марц-Элл взволнованно набрал в грудь больше воздуха, чтобы продолжить.

– Я знаю, – перебил его магистр, – но мне хотелось бы услышать свежее непредвзятое мнение, и я тут же подумал о вас, мой дорогой Марц-Элл.

Молодой историк с дрожью выдохнул воздух и взволнованно произнёс:

– Благодарю вас за оказанную честь магистр. Я с радостью составлю для вас свежий доклад о состоянии дел на планете Земля и о непростой ситуации, в которой оказались её обитатели. Это займёт совсем немного времени, и в ближайшем будущем вы сможете ознакомиться с моими доводами.

Магистр внимательно смотрел на своего ученика и в какой-то момент остановил его знаком руки. Марц-Элл замолчал, а Вуто вновь заговорил:

– Вы понимаете, дорогой мой друг, дело в том, что данный доклад, как вы соизволили его назвать, нужен мне от вас немедленно. Сейчас же. Видите ли, в чём дело. Он нужен не мне лично. . . , – наступила гнетущая пауза. – Этот доклад хочет услышать Главенствующий Совет.

Марц-Элл от подобного даже рот открыл.

– Я понимаю ваше удивление, – продолжил Вуто, – но дело в том, что назрела острая необходимость в принятии серьёзных мер и отклонить подобную просьбу вы, к сожалению, не в силах. Я намерен сопроводить вас и представить Совету немедленно.

Молодой историк был явно поражён подобными словами. Он выглядел испуганным и растерянным.

– Но, я. . . Я просто не готов к подобному, – попытался оправдаться он.

– Это неважно, – сказал Вуто. – Отвечайте на вопросы, которые вам будут задавать. Вы всё знаете, просто не волнуйтесь и соберитесь. Запомните Марц-Элл то, что вы там увидите и услышите, не подлежит общественной огласке. Поскольку Главенствующий Совет не занимается мелкой шелухой в объёмах межгалактических, как вы понимаете. Соответственно тема, к которой вы будете допущены гораздо глобальнее, нежели вы можете себе представить. Я прошу вас

собраться. В другой ситуации я с радостью дал бы вам время на подготовку, но сейчас его нет. Вам предстоит надеяться лишь на себя, свои знания и умения и запомните, от того, что вы там скажете, возможно, будет зависеть судьба целой цивилизации.

Марц-Элл сглотнул слюну. Его пересохшее горло обрело мягкость, но лишь на мгновение, а сказать что-либо в ответ великому магистру он всё равно ничего не смог.

Вуто развернулся и пригласил молодого историка следовать за ним.

На ватных от волнения ногах Марц-Элл поплёлся за магистром.

Ещё утром он даже и представить себе не мог, что будет стоять пред могущественными мира сего:

«Если бы только знать!!!» – корил он себя, двигаясь за своим учителем. Тот шёл молча, погружённый в свои мысли.

Когда Марц-Эллу сообщили, что его хочет видеть Великий магистр Вуто, то историк очень удивился, но и обрадовался, конечно. Он давно уже не видел своего учителя и вот теперь, когда представилась возможность увидеться, он осознал, что соскучился по старику. Он согласился тут же, особо не раздумывая.

Во второй половине дня, когда Марц-Элл уладил свои дела, немного изменив свой график, за ним прибыл легколёт магистра. В салоне были лишь двое сопровождающих. Они оказались несловоохотливы и на вопросы, задаваемые Марц-

Эллом не отвечали.

В полной тишине не прошло и пары сентий (один сентий равен 10 минутам земного времяисчисления – прим. автора), как странная парочка доставила историка к «Тайной башне». Так прозвали сооружение, в котором находилась резиденция Вуто. Всё в той же тишине его сопровождали на встречу с магистром, и вот оно, пожалуйста, как всё обернулось.

Марц-Элл совершенно потерял ощущение времени и даже не сразу заметил, как они с магистром оказалось возле портала, а двое сопровождавших их молчуна исчезли, словно их и не было. Вуто поместил руку в устройство идентификации и спустя мгновение приветливый звук откликнулся, открывая проход.

Магистр пригласил Марц-Элла проследовать за ним в портал. Спустя мгновение они оказались в совершенно незнакомом молодому историку помещении. Это была широкая длинная зала с высоким потолком, с которого свисали огромные полотна гобеленов, на которых был изображён герб цивилизации Варахили, давно утерянная в результате глобальной войны планета Саура в окружении трёх её спутников. Они словно ядра обвивали планету. За спутниками тянулся световой след. Герб был голографическим, так что изображение на полотнах постоянно находилось в движении. Спутники обвивали яркую мерцающую планету, а сами полотна словно развевались на ветру.

Саура была колыбелью Варахили. Но много сотен циклов назад на планете вспыхнула война. Война, вызванная деяниями их давних предков, привела к гибели почти всей их расы. Немногие из Варахили сумели выжить. Они покинули родной мир и основали колонию на далёкой планете Колл в созвездии Весов. Долгие циклы скорби привели цивилизацию Варахили к выводу, что война худшее, что только может быть. Они отказались от военных технологий и посвятили себя исключительно науке и помощи другим мирам. А планета Саура до сих пор мерцает на их гербе и напоминает о тех страшных последствиях, которыми может обернуться глобальная война.

Длинная зала казалось пустой и безжизненной. Марц-Элл и магистр Вуто шли по белоснежной дорожке. Кругом была тишина. Когда дорожка закончилась, они остановились и взглянули вверх. Перед ними находились семь высоких столбов. Они уходили вверх и почти касались потолка. Что было там наверху, разглядеть было невозможно.

Марц-Элл обернулся. Сзади него уже не было видно длинной залы, по которой они шли. Не было также и белой дорожки. Всё пространство занимал огромный, насколько хватало взгляда экран. В одно мгновение экран вспыхнул и разбился на множество маленьких отсеков, отчего стал похож на сетку. В каждом отсеке экрана появились лица, рожи, дроны. Их были сотни, и все они смотрели на Марц-Элла.

– Кто все эти существа? – спросил историк, наклонившись

к уху магистра.

Вуто не оборачиваясь к огромному экрану, спокойно посмотрел на ученика и сказал:

– Это дипломаты и верховные представители всех известных нам миров. Их присутствие на подобных мероприятиях обязательно. Поскольку они имеют право быть в курсе всех последних событий. Их личные дела хоть и чрезвычайно важны для совета, но не настолько, насколько наши.

Марц-Элл смотрел на огромный экран и думал: «Что же это за столь важное дело у совета к нему, простому историку? Неужели ради этого возможно отложить все дела вселенной?»

– Приветствуем тебя, великий магистр, – услышал за своей спиной громкий властный голос Марц-Элл. Он быстро отвернулся от огромного экрана и вновь открыл от изумления рот. Высокие столбы, что предстали перед ним, когда он оказался в этом странном месте исчезли. На их месте сейчас находились величественные троны, которые занимали незнакомые историку прежде существа. Одно из мест по центру пустовало.

Великий магистр не без труда опустился на одно колено перед Советом. Марц-Элл тут же последовал примеру учителя.

– Великая честь предстать пред ликом Главенствующего Совета, – мягким голосом сказал Вуто. – Примите наши искренние извинения, если заставили вас ждать. Хочу предста-

вить вашему вниманию моего лучшего ученика, а ныне зна-тока истории цивилизации планеты Земля Марц-Элла Бир Алля.

Историк, поражённый столь официальным тоном приветствия, поднялся и сделал шаг вперёд.

– Мы много наслышаны о тебе, молодой Марц-Элл, – сказал один из представителей совета. Это было странное существо, имеющее все признаки гуманоида, но его тело си-не-зелёного цвета было совершенно лишено волос, имело два больших глаза не имеющих век. Всем внешним видом существо выдавало свою морскую природу. У него были перепонки на руках и жабры, скрытые в области шеи складками кожи. Но что действительно поразило историка, так это странный рубец, проходящий вдоль всего тела существа. Он как будто делил своего обладателя пополам по вертикали.

Историк склонил голову в знак уважения. Он давно уже не считал себя молодым, хотя по сравнению с Вуто его возраст, конечно же, говорил о его довольно юном статусе. Поэтому он старался вести себя соответственно при встрече с величайшими умами вселенной, и как вполне сознательный член общества был готов к исполнению своего гражданского долга перед обществом своего мира.

– Магистр Вуто рассказал нам, что вы способны реально оценить ситуацию на Земле и дать нам развёрнутый и вполне обоснованный ответ о её перспективах на ближайшее и далёкое будущее. Скажите нам, что ждать вселенной дальше

от этого мира?

Марц-Элл поднял взгляд на странное существо. Вопрос, который ему задали был вполне ожидаем. За время своего пути сюда историк успел собрать в голове все накопленные за долгие циклы результаты исследований и знания по данному вопросу.

– Позвольте начать свой доклад с того аргумента, что цивилизация людей ещё весьма и весьма молода, – начал свой рассказ Марц-Элл. – Именно поэтому, я прошу Главенствующий Совет не торопиться с принятием окончательных решений в отношении мира людей.

Историк взглянул на Вуто. Тот стоял рядом и, заметив взгляд ученика, одобрительно кивнул, соглашаясь.

– Цивилизация людей весьма необычна, Советники. Подобной ей не существует во всей вселенной, хотя бы потому, что в каждом живом существе этого мира присутствует не только физическая оболочка, но и скрытая от взора и разума духовная сущность. Подобного контраста вы не найдёте нигде во вселенной.

– Прекрасно. Всё это, безусловно, прекрасно, – подал голос другой Советник, восседающий через два трона от рыбообразного. Это было маленькое зелёного цвета создание с мохнатым тельцем, одетое в странный комбинезон очень искусного покроя. По манжетам этого костюма мерцали яркие полосы красного цвета. На морде существа было некое подобие маски. Как предположил Марц-Элл, это была система

некоего портативного блока контроля, позволяющего быть мобильным в любом месте и в любое время. Но таких маленьких устройств как это он раньше никогда не видел. У маленького существа был на удивление громкий и властный голос.

– Скажите, знаток, кроме перечисленных есть ли ещё какие-нибудь отличительные особенности у этих особей, которые могут сказать нам об их неоспоримой уникальности?

Этот вопрос не на шутку встревожил Марц-Элла.

– Безусловно! – ответил он тут же.

– Прошу вас, поведайте о них Совету, – вопрошало маленькое зелёное создание.

Марц-Эллу на одно мгновение показалось, что произносимая им в данный момент речь больше напоминает доклад адвоката, защищающего подсудимого, нежели историческое повествование.

– Эта цивилизация чрезвычайно умна и перспективна. Они культурны и богаты на творчество. Они обладают способностью к чувствам, таким как любовь и сострадание. Их чувства не присущи ни одной известной нам форме жизни. Их духовные порывы есть великая загадка для меня. Это выражается, в частности, в их способности к самопожертвованию и бескорыстной самоотдаче. А их поступки в моменты влюблённости невозможно подвергнуть никакой логической диагностике.

Марц-Элл слегка задумался, вспоминая один случай, ко-

гда он, пребывая на Земле проводил исследование в области эмоциональных порывов. Тогда он наблюдал за одной парой. Это был мужчина лет двадцати трёх. Он спас девушку из огня и оказался в госпитале с отравлениями продуктами горения. Но уже через два дня он сбежал оттуда и с букетом цветов ночью забрался по лестнице в окно третьего этажа дома, где временно проживала та девушка, и признался ей в любви.

– Что-то не так? – прервал его размышления другой голос. Создание, всё пронизанное странными электрическими импульсами, казалось, вовсе не имело тела. Это был некий сгусток энергии больше напоминающий молнию, только в форме живого существа с руками и ногами. Оно было невесомым и, поэтому, парило в пространстве.

Марц-Элл взглянул на странное создание и, очнувшись от воспоминаний, ответил:

– Нет, всё хорошо. Я всего лишь кое-что вспомнил. С вашего позволения, я продолжу. Земляне являются обладателями настолько выдающегося культурного наследия, что изучать их великие творения будут ещё многие. Их многогранность выражается в умении видеть истинную природу вещей. Они способны без преувеличения изменить мир. Заметьте, всего лишь за небольшой промежуток времени человечество из пещерных дикарей преобразилось в высокоразвитых особей и я уверен...

– Что вы можете сказать об их неумном желании к войнам и банально глупому самоуничтожению? – перебил исто-

рика противный клокочущий голос. Он раздался из самого дальнего левого края семи тронов.

Марц-Элл взглянул на его обладателя, и историка пере-дёрнуло от страха.

На дальнем левом троне сидел огромный воин. Он был одет в жуткие проржавевшие до основания доспехи. Такой брони историк не видывал уже давно. Он присмотрелся внимательнее и с трудом различил символ на грудном щитке воина. Это была комета с длинным огненным хвостом, пронзающая планету. Сей символ знали в его мире, увы, немногие. Это был шеврон подразделения штурмовиков времён последней великой войны. А воин, что восседал на троне, был последним уцелевшим бойцом этого подразделения.

Прямо перед воином в основание трона был вогнан огромный двуручный меч и тут же, опираясь на лезвие клинка, стоял невероятных размеров гластер. Оружие времён войны, невероятной силы, что могло испарить любого в пар. Голову существа покрывал шлем с давно неподнимающимся забралом. Воина звали Румарк. Он в одиночку вывел остатки умирающей расы Варахили с обломков планеты Саура и уже давно был блюстителем угроз в Главенствующем Совете.

Марц-Элл сглотнул слюну, и лишь мельком взглянув на древнего воина, ответил:

– Подобные ошибки совершают многие цивилизации. Эта – не исключение. И это лишь подстёгивает их развитие в будущем. Люди таковы по своей природе, что всегда стремятся

к большему, отсюда столкновения интересов, которые, порой перерастают в локальные конфликты. Это ещё раз подчёркивает их правильный путь. Война иногда выступает не только как абсолютное зло, но и как движение к развитию. Что же касается отдельных индивидуумов, то я полагаю, что не стоит судить по ним о целой расе. Как говорят у людей: Не судите, да не судимы будете!

– А также говорят: Паршивая овца всё стадо портит! – вторил словам Марц-Элла огромный воин в старых доспехах. – Не стоит недооценивать наши знания. Мы все здесь магистры в своих областях. Я лично бывал на Земле и многое знаю о ее истории и обычаях людей. То есть вы считаете, что действия Генерала Гуркхка, развязавшего войну на нашей родной планете Саура, которая привела практически к полному уничтожению нашей цивилизации, не является особым показателем деятельности одного отдельного индивидуума на всю расу?

В зале наступила могильная тишина.

– Что вы можете сказать об их последней войне? Эту затею, вы тоже считаете очередным шагом в их развитии? Что дальше? Позволим им взорвать солнце? – задал свой очередной вопрос Советник Румарк.

Марц-Элл открыл, было рот, чтобы вставить очередной довод в пользу обсуждаемой цивилизации, но тут его снова перебили:

– Послушайте, Марц-Элл. Совет прекрасно понимает ва-

шу любовь к этим особям, – голос этот принадлежал уже совсем другому существу, высокому, худому, практически с прозрачной кожей. От него исходило странное голубоватое свечение. Глаза у существа были маленькие, но очень пристально смотрели на историка. Голова под стать глазам маленькая, полностью лишённая растительности и сквозь неё был виден мозг существа. Длинные трёхпалые руки были сложены на таких же длинных ногах. Это был советник Мром-Зар с планеты Драура, соседней с давно уничтоженным миром Варахили.

– Давайте смотреть на вещи реально. За последние двести лет человечество практически полностью уничтожило свой ореол обитания. Они ведут постоянные войны, в которых гибнут лучшие представители их вида, и главное, от этого страдает сама планета. Радиация сжигает остатки некогда прекраснейшего из миров. Оставшиеся в живых, пытаются выживать, скрываются и борются за своё существование, но это ненадолго. Многие из них больны неизлечимыми болезнями, мутации поразили их организмы. Уже появились новые формы жизни, порожденные радиационным излучением. Они весьма агрессивны и вряд ли оставят шанс слабому вымирающему человечеству. Люди опустятся вниз пищевой цепочки, и скорее всего, вымрут как вид. Быть может, они протянут ещё пару столетий их времяисчисления, если не допустят ещё одной катастрофы. В конечном итоге на планете будет главенствовать уже совершенно другой вид, и нет

никаких гарантий, что это будут разумные существа. Признайтесь, знаток, человечество выжгло само себя и всё что им было даровано. Люди уничтожили природу, истощили ресурсы и сами находятся на пороге гибели. Главенствующий Совет не может спокойно смотреть на этот суицид. Мы приняли решение очистить планету Земля от её нынешних обитателей и от всех загрязнений. Мы возродим природу и атмосферу в её изначальном виде и отдадим планету другим, более достойным для существования на ней созданиям.

Марц-Элл не верил своим ушам. Он стоял с открытым от удивления и негодования ртом, поражённый таким поворотом событий. Сам он понимал, что люди совершили множество необратимых ошибок, но был уверен, что их разум рано или поздно возобладает над низменными инстинктами тирании и властолюбия. Неожиданно для самого себя он бросился вперёд и, опустившись на колени, выкрикнул:

– Нет! Нет, нет, нет!!! Что вы такое говорите? Это не в ваших правах уничтожать целую разумную цивилизацию! Я всегда считал, что Главенствующий Совет более мудро подходит к решению подобного рода вопросов. А вы просто решили, не усложняя дела стереть людей с лица земли? Вы что думаете это решение проблемы?

– Мы приняли своё решение Марц-Элл, – раздалось шипение от соседнего с Румарком Трона. Старая женщина расы Учири, одна их сорока принцесс трона Уч-Ти-На, настолько старая, что самостоятельно уже не передвигалась. Она была

парализована и находилась в специальном боксе, полностью контролирующем её жизнедеятельность.

– Людям не место в мироздании существования, их методы жизни губительны для них самих, для их планеты и для будущего вселенной.

Марц-Элл был в ярости. Несмотря на высокие звания своих собеседников, он злобно выкрикнул, поднявшись с колен:

– Тогда зачем вы вызвали меня? Чтобы выслушав все мои доводы, просто отринуть их как формальность и поведать миру о своём решении? Прекрасно! Это и есть мудрейшие и величайшие члены Главенствующего Совета? Если так, то я искренне разочарован.

– Вы забываетесь, историк! – раздался голос старой Уч-Ти-На. – Вы находитесь во Дворце мудрости. Тут вам не суд. Наши решения не приговор. Это закон.

– Закон на убийство, одобренный цивилизацией, которая отринула любые помыслы о войнах и смерти? В чём смысл? То, что вы предлагаете, это простой геноцид. Вы не оставляете людям даже шанса на исправление. Если все вопросы Совет решает таким образом, то я как истинный член общества цивилизации Варахили высказываю вотум недоверия такому Совету.

– Да как вы смеете, историк? – послышался голос ещё незнакомый Марц-Эллу прежде.

С трона, что по центру поднялся странный тип. Он был одет в длинный плащ с воротом стойкой. На его голове была

надета шляпа с большими полями. Горло прикрывал шарф красного цвета, на ногах были сапоги с острыми носами и высокими каблуками. Марц-Элл тут же заметил, что рук из рукавов совершенно не видно. А когда существо подняло свой взгляд открывшийся историку из-под шляпы, тот даже сделал несколько шагов назад. Чёрная дымка лица сверкнула двумя красными глазами, а из рукавов плаща вырвались клубы чёрного дыма.

– Я Фрии, главный советник мира Храу. Наш мир тоже был красив и свеж, пока мы не стёрли его с лица света. Вы видите последствия этого кошмара. Отныне мы лишь мрачные духи, лишённые своих тел. Мы не рождаемся более. Мы производим друг друга. В возрасте трёх циклов наше тело отторгает сознание, и мы превращаемся в то, что вы сейчас видите. Вы не понимаете сути проблемы, историк Марц-Элл. Вы не знаете, что будет дальше. Я бы был рад, если бы то, что предлагает Совет когда-то свершили и с моей планетой. Но уже слишком поздно, а для цивилизации людей это шанс уйти из вселенной без боли и страданий.

– Но это ведь живые существа! – не унимался Марц-Элл.

– Шансы очень малы и надежда на возрождение слишком призрачна. Мы не можем рисковать.

– А вы пробовали? – крикнул Марц-Элл уже совершенно позабыв о всех мыслимых и немыслимых нормах приличий. – Возможно, прежде чем приговорить их мир к уничтожению может быть попробовать им помочь. Кто знает, воз-

можно, ещё не всё потеряно, как вы считаете.

– В словах молодого историка есть некий смысл, – вставил свой довод, молчавший до этого магистр Вуто. – Быть может, мы не видим истинной причины. С этим нужно попробовать разобраться. Быть может знаток прав, мы поспешны в выводах. Я предлагаю перенести слушание относительно решения по этому вопросу. Дадим немного времени. А на Землю отправим наблюдателя. Достойного наблюдателя. Того, кто реально сможет оценить истинную суть проблемы. Откровенно, непредвзято.

– Вот это уже другой разговор, – выдохнул Марц-Элл.

– Я полагаю, – продолжил Вуто, подходя к свободному трону и усаживаясь на него, – Марц-Элл Бир Алль, отлично подойдёт на роль такого наблюдателя.

Историк, стоявший до этого с довольным лицом, в одно мгновение ошарашено взглянул на своего учителя. Его не так поразили тот факт, что Вуто один из Советников, сколько его последние слова.

– Я? – казалось, он сейчас упадёт в обморок. – Но, но... Я уже давно не был на Земле.

– Вот и прекрасно, – сказал Вуто. – У вас будет прекрасный шанс посетить свою любимую цивилизацию за государственный счёт.

Вуто встал с трона и подошёл к ученику.

– Это будет прекрасной возможностью попрактиковаться на месте, друг мой. Ты же давно мечтал посетить Землю?

Это отличный шанс, на мой взгляд.

Он похлопал Марц-Элла по плечу и вернулся на свой трон.

– На этом Главенствующий Совет постановляет! – изрёк он громогласным голосом. – Дело о судьбе цивилизации людей перенести до полного доклада Марц-Элла Бир Алля. С этого мгновения назначить Марц-Элла Бир Алля наблюдателем и отправить за Землю.

Глава 7. Ошибка

Никогда до этого мгновения я не впадал в подобную печаль. Никогда прежде мне не приходилось никого терять. Ну, если не считать родителей, которых я совсем не помнил и это, казалось совсем не в счёт.

Машенька была для меня словно родной человек, и хотя она была мне всего лишь другом, я никого так сильно не любил до сих пор, как её! Она была моим миром, моим светом, моим чистым ветром в ночной мгле этого мрачного, грязного и почти уже погибшего мира. Я никогда, ни по кому так не тосковал и так не грустил. Мне всё время казалось, что она всё так же поскребёт своими маленькими ноготками в дверь моей комнаты. Я откину одеяло, встану, оденусь и тихонько выскользну к ней в коридор. Мы на цыпочках проскользнём мимо спальни миссис Бэкстридж и быстро поднимемся на крышу по старой пожарной лестнице. Отворим маленькую гермодверь, пароль от которой я подсмотрел уже давным-давно, когда таскал старые вещи на чердак с тётушкой Фимой. Так вот, отворим дверь и тихо как мышки проскользнём на крышу. Наденем респираторы и, перебравшись по трубе на соседнее здание, вскарабкаемся на высокую телебашню. Там холодно и совсем неромантично, но зато это выше уровня городского смога и тут чистый воздух. Мы бу-

дем дышать холодным северным ветром и он будет трепать наши волосы, а мы будем радоваться этим редким минутам, которые дарует нам беспощадное время.

Но теперь это лишь воспоминания. А Машенька исчезла из моей жизни, да и вообще из жизни в целом. Она умерла, а это значит, что я больше её никогда не увижу.

Всё что осталось у меня после её ухода, это лишь жгучая ненависть и постоянно грызущее изнутри чувство мести к человеку, который лишил её жизни. Я долго плакал от обиды и беспомощности. Просто в голове маленького мальчика никак не могла уложиться мысль, что подобное произошло именно со мной. Как можно убить человека? Просто так, просто из обиды, ради оправдания своего страха и ничего при этом не испытывать. Миша не понёс никакого наказания за содеянное и даже более того, о том, что это он убил Машеньку никто, никогда может и не узнать. Те, кто были в курсе, молчали из чувства страха и самосохранения, поскольку мир наш был ещё страшнее.

Я мог бы рассказать людям о том, что случилось, да и не один я мог бы это рассказать. Но что бы изменилось? Мои слова это всего лишь слова маленького мальчика, беспризорника, которого никто в этом мире не станет даже слушать, также как и слова других детей, да и тётушки Фимы. Никого из нас не восприняли бы всерьёз, а тётушка могла и вовсе потерять работу и крышу над головой.

Нет, это был не страх, это была полная, окружённая мощ-

ной стеной отчаяния безысходность. Все молчали, поскольку прекрасно знали, что полиция никогда не станет заниматься делом пропавшей из приюта беспризорницы. Таких как Машенька тысячи, сотни тысяч по всему периметру нового мира. Не только в нашем городе, но и во всех округах. Им нет никакого дела до того, что моя подруга сначала была зверски убита каким-то мелким, жирным, избалованным имбицилом. А уже после того как её бездыханное тело было свалено на помойке, оказалась сбежавшей. Нет. Не в этом мире.

Долгие месяцы я скорбел по Машеньке. Тётушка Фима пыталась меня утешить, поддерживала меня и сейчас я ей особенно благодарен за это. Близнецы Рим и Тим тоже поддерживали меня. Они часто брали на себя мою работу, таскали с кухни хлеб и прессованные каши. Аппетит у меня просыпался только по ночам, так что их заботу о моём желудке недооценить невозможно. Тем более что спать под урчание моего пустого брюха они ужасно не любили.

Я возненавидел Мишу и стал скрытно присматриваться к нему. Я готовил план убийства. Сил моих не хватало смотреть на то, как эта мерзкая свинья живёт и радуется жизни.

– Пускай, я мал, – говорил я самому себе, – но даже если у меня не получится убить этого гада, то я изуродую его и превращу на всю оставшуюся жизнь в страдающего инвалида, чтобы он пожрал самого себя от ужаса невозможности прожить нормальную жизнь.

Хотя о чём я говорю. Миша уже был до безобразия урод-

лив и телом, и душой.

Миша в свои восемь лет выглядел на все пятнадцать. Его тело рано повзрослело в основном за счёт того, что он безмерно жрал.

Я планомерно, монотонно и терпеливо продолжал готовить свой жуткий план.

Каждый день в течение нескольких месяцев я изучал его повадки, слабости, несдержанные желания. От этого я ещё больше испытывал отвращение к этому человеку. Я узнал его распорядок дня, рацион питания, размер одежды и почерк. Но однажды я узнал такое, что перевернуло судьбу Миши навсегда.

Я узнал о его заболевании. Эту тайну миссис Бэкстридж берегла как зеницу ока и скрывала даже от своих знакомых, которых, к слову сказать, у неё было немного.

У Миши был диабет. Вторая стадия, скрытый диагноз. Но, несмотря на это, мой враг продолжал уничтожать все имеющиеся в приюте запасы сладостей. В условиях нашего мира достать инсулин было делом не просто фантастическим, а скорее просто невозможным. Но миссис Бэкстридж регулярно делала Мише уколы. Как оказалось, одна из прежних воспитанниц приюта работала санитаркой в армейском госпитале, что располагался неподалёку. Она-то и добывала, а скорее воровала лекарства для своей бывшей хозяйки.

Что заставляло её так поступать, одному Богу было известно. Хотя я и не был Богом, но этот вопрос меня вскоре

очень взволновал. Я уцепился за эту возможность и стал обдумывать детали.

Мне удалось проследить за миссис Бэкстридж и узнать где именно она получает лекарства. После этого я решил действовать.

Однажды ночью я выбрался из приюта и по крышам домов без труда добрался до военного госпиталя. В окнах горел свет. Здание госпиталя было устроено в старом стадионе. Спортом в нашем умирающем мире уже никто давно не занимался и здание пустовало.

Вдоль крытых площадок были устроены смотровые, а сами залы стадиона были сплошь уставлены койками с больными солдатами. Я пробрался в здание через открытое гермоокно туалета, и тихо словно тень подкрался к ближайшему освещённому кабинету. Это оказалась сестринская.

– Мари, это всё ты? Зачем ты это делаешь? Я не понимаю, – послышался из открытой двери женский голос. – Ты же прекрасно знаешь, что с тобой будет, если доктор Мёрф узнает.

Совсем ещё юный девичий голос обиженно отвечал:

– Это не я. Ну зачем мне это. Хватит валить всё на меня.

– Девочка, ты воруеть инсулин и продаёшь его. Ты думаешь я не знаю сколько сейчас стоит этот препарат?

– Это не я!!! – выкрикнула девочка и выбежала в коридор.

Она промчалась мимо меня, совершенно не заметив моего присутствия скрытого темнотой коридора. Вслед за деви-

цей выскочила тучная тётка с рыжими волосами и одетая в белый халат медслужбы.

– Постой Мари! – выкрикнула она.

Но девица уже скрылась в темноте длинного коридора. Тётка махнула рукой и вернулась обратно в сестринскую.

Я же тем временем бросился вслед за убегающей девушкой.

Тихонько продвигаясь тёмными помещениями старого стадиона, я услышал в отдалённой комнате негромкие всхлипы. Заглянув в комнату, я увидел, что Мари сидит на полу в углу запылённой раздевалки и плачет. Я видел её до этого лишь мгновение, но успел рассмотреть. Что-то до боли знакомое мелькнуло в тот момент в моём сознании.

Мари была блондинкой с редкими убранными сзади в хвостик волосами. Её маленький носик вздёргивался каждый раз, как она всхлипывала. Девушка была худенькой и невысокой. На вид ей было не больше пятнадцати лет. Маленький ротик сжался от невыясненной пока обиды. Глядя, на нее, невольно понимаешь, что обидеть такую может каждый.

Нужно было действовать, пришлось отринуть наивный мальчишеский страх и начать первому.

– Привет, – тихо сказал я, выглядывая из-за двери.

Она вздрогнула и уставилась на меня своими покрасневшими от слёз глазами.

– Ты кто такой? – быстро спросила она.

– Не бойся меня, я тебя не обижу, – сказал я спокойным голосом, чтобы она не подумала, будто я представляю опасность.

– Дони, – представился я.

– Как ты попал сюда? – спросила она, вытирая слёзы.

– Через открытое окно в туалете залез, – ответил я. – Там гермовторка неплотная была, она такая же, как у нас... – тут я осёкся, поскольку совершенно не собирался говорить девушке, откуда я.

– Где у вас? – быстро уцепилась она и поднялась на ноги. Я замялся.

– Ну, там... Ты, в общем, не знаешь...

– Ты из приюта «Надежды»? – вскрикнула она и бросилась прямо ко мне.

Я попытался отскочить от неё. Но она схватила и прижала меня к себе.

– Ты себе даже не представляешь, как я счастлива! – прошептала Мари. – Я молилась слёзно, днями и ночами и вот Господь услышал мои молитвы. Он послал мне тебя.

Она отстранилась и посмотрела на меня вновь полными слёз глазами.

– Скажи мне Дони, не знаешь ли ты случайно девочку по имени Маша, Машенька! Она живёт в вашем приюте. Расскажи, как она? Что с ней?

Ужас окутал моё сознание. В одно мгновение я осознал, кого именно напомнила мне эта девушка. И хотя я был в

то время мал в годах, но глупостью ума не страдал. В одно мгновение я всё понял. Мурашки пробежали по моей спине от осознания всей картины коварства миссис Бэкстридж. Я вновь взглянул в её глаза и спросил откровенно и строго:

– Это ты воруешь для миссис Бэкстридж инсулин?

Мари посмотрела на меня округлившимися от страха и обречённости глазами.

– Я всё знаю, Мари, – сказал я. – Она использует тебя, прикрывается твоей сестрой. Она шантажирует тебя?

Новые ручейки слёз скатились по щекам девушки. Она закрыла ладонями лицо и молча, закивала. Я был убеждён в том, что Мари даже не догадывалась о смерти своей сестры.

– Вы же не родные сёстры? – вновь спросил я.

Девушка продолжала кивать. Я прижал её к себе, она тут же уткнулась мне в плечо и зарыдала. Я почувствовал, как её горячие слёзы пропитывают мою одежду.

– У нас один отец, а мамы разные, – тихо проговорила Мари. – Когда он умер, мне было восемь, а Машеньке лишь пара месяцев. Её мама, как и моя не пережила роды. Отец не смог перенести подобное во второй раз и застрелился.

– Она не рассказывала, – сказал я.

– Она не знает об этом, – тихо сказала Мари.

Прошло несколько минут. Она отстранилась от меня и вытерла глаза платком. Затем посмотрела в потолок, проморгалась и спросила:

– Так зачем ты здесь?

Я рассказал ей историю своих путешествий по крышам. Затем поведал ей о нашей дружбе с её сестрой, про нашу жизнь, о Риме и Тиме, про тётушку Фиму и про ненавистного Мишу.

Она улыбалась, когда слышала знакомые имена. Мари ушла из приюта три года назад, поэтому я не помнил её. В то время меня там ещё не было. Что было со мной до приюта, я и сам плохо помнил. Возможно, это было мне и ненужно. Ведь с годами все больше хорошее помнишь, но воспоминания моей прежней жизни явно таковыми не были.

Когда мой рассказ подошёл к завершению я остановился и спросил Мари:

– На что ты готова ради своей сестры?

Девушка в одно мгновение преобразилась. Она стала вдруг колючей и недоступной, в её глазах блеснула ненависть и злоба.

– Я готова ради неё на всё! – сказала она твёрдо.

– Отлично, – сказал я, – с этого самого дня ты перестаёшь воровать для миссис Бэкстридж инсулин. И вообще, с сегодняшнего дня ты больше ничего не станешь для неё делать.

На мгновение в глазах Мари мелькнул страх и сомнение.

– А как же Машенька? – спросила она. – Миссис Бэкстридж сказала, что если я не стану доставать для неё лекарства она продаст мою сестру в рабство в бордели Чёрного города.

Чёрный город был ещё одним пугающим местом, про ко-

торое ходило много страшных историй. Это была некогда очень красивая часть пригорода с дворцами царей и замками королей. Но теперь там располагалось самое отвратительное прибежище зла. Петергоф забросили после войны. Денег на его содержание уже никто не выделял, и там со временем обосновались работорговцы всех мастей. Они платили властям и полиции и их никто не трогал. Там было прибежище воров, насильников и убийц. Красивейшие замки приспособили под бордели, а в некогда величественных парках проводили охоту на людей. Зло теперь обитало в тех краях. Поговаривали, что если человек попадал туда, то уже не возвращался. Кого убивали, кого унижали, а кто-то менялся, становясь совсем другим человеком, нежели был когда-то.

– Не продаст, не бойся, – сурово ответил я.

– Откуда тебе это знать? – прошипела она на меня.

– Просто поверь мне. Я знаю, – твёрдо ответил я.

Мари заметив мою твёрдость, тут же изменилась.

– Хорошо, – сказала она. – Я откажу этой старой ведьме, но смотри, – она ткнула своим пальцем в мою грудь. – Если с Машенькой что-либо случится, я тебя убью.

– Не бойся, – сказал я, – хуже, чем есть, уже не будет.

– В смысле хуже, чем есть? – не понимая, переспросила

Мари.

Я собрался с силами и, глядя прямо в глаза девушке, сказал:

– Твоя сестра умерла семь месяцев назад, Мари. Её убил

Миша, тот самый мальчик, для которого ты воруеть инсулин, рискуя каждый день оказаться на улице без малейшей надежды на выживание. Он сын миссис Бэкстридж, если ты помнишь.

Мари стояла передо мной с открытым от ужаса и неверия ртом. Она видимо хотела закричать, но просто не смогла. Удар был слишком неожиданным и сильным. Она медленно опустилась на колени и, глядя на меня, отрицательно затрясла головой. В третий раз за несколько минут нашего знакомства я видел, как она плакала.

Я стоял молча. Тишина этого чудовищного мгновения будет сниться мне в кошмарах всю мою оставшуюся жизнь. Я даже не берусь передать, что творилось в эту минуту в моём сердце. Моя душа ныла, словно от горького-горького вина невосполнимой потери.

Что творилось в душе Мари, я даже представить себе не мог.

– Они убили мою сестрёнку, и всё это время ведьма Бэкстридж врала мне. Она угрожала, пугала меня туманными бреднями.

Мари произнесла эти слова словно в бреду. Затем она взглянула на меня и я увидел в её взгляде ту самую жуткую решимость, на которую сам до этого не был готов.

– Я убью её! – она вскочила так резво, что я даже не успел среагировать. – Ты поможешь мне. Нет, ты уже мне помог, – её глаза горели мстью.

– Стой, стой, ты что задумала?

– Иди в приют, тебя могут хватиться и у тебя будут проблемы.

Девушка, не глядя больше на меня, резво вышла из раздевалки и быстро пошла по коридору.

– Постой! – выкрикнул я ей вслед. – А что ты? Что ты будешь делать?

Мари остановилась и оглянулась на меня.

– Я их убью, – ответила она спокойно и быстро свернула за угол.

Я не успел опомниться, как Мари исчезла.

«Что же я наделал? – подумал я. – Она ведь и вправду убьёт их».

Я хотел было броситься вслед за Мари и попытаться отговорить её. Но тут же вспомнил, что я не у себя в приюте и быстро спрятался в тени.

«Что же мне теперь делать?»

Нужно было возвращаться в приют. Меня разрывало надвое. Но слова были уже сказаны, а дела сделаны. Я ещё немного постоял в тёмном коридоре пустого стадиона так ничего не решив и стал пробираться обратно к выходу на крышу.

Вернулся я в приют, когда уже светало. Рассвет был странным, он лишь едва проглядывал сквозь тоненькую щель меж облаков и пыльных радиоактивных туч. Вскоре и этот маленький луч исчез и я понял, что с сегодняшнего дня мир

стал ещё на одну жизнь страшнее.

Тихо проникнув в свою комнату, я наткнулся на Рима и Тима, которые уже проснулись и собирались в свой обычный утренний поход к ракушке.

– Привет ребята, – выдал я первое, что пришло в голову.

– Привет, Дони, – откликнулись они. – Ты что-то запоздал сегодня, мы уж заволновались.

– Да всё нормально, просто засмотрелся на восход, – соврал я.

– Ну, ты смотри в следующий раз так не засиживайся там, – сказал Тим подозрительно глядя на меня.

Ребята ушли умываться, а я уселся на свою кровать и обхватил голову руками.

– Ну что доволен своим поступком? – услышал я странный незнакомый голос.

Я поднял взгляд уставших глаз, но к моему удивлению в комнате никого не оказалось. От непонимания я настороженно осмотрелся, затем потряс головой.

– Что за глюки? – сказал я самому себе.

Ещё раз осмотревшись по сторонам, я никого не нашёл и отправился умываться.

Глава 8. Наблюдатель

Прибытие на Землю было странным в прямом смысле этого слова.

Обычно странников на чужие планеты отправляли судами. Корабль сбрасывал капсулу с исследователем в заранее выверенный район. После чего следовала атака, сбивающая любые радиосигналы и выводящая из строя любые электроприборы. Это делалось для того, чтобы сбить со следа любые поисковые группы и отбить охоту для желающих докопаться до истины. После прибытия капсулы на планету, собственно говоря, и начиналась сама миссия.

В случаи с Марц-Эллом всё было по-другому. Совет поручил историку воспользоваться туннелем. Что было на самом деле очень необычно.

Туннель был очень странным изобретением. Выражаясь простыми словами, это был телепорт только очень продвинутый. Данная технология была найдена поисковиками Варахили на очень отдалённой и заброшенной планете. По их докладам, некогда этот мир принадлежал какой-то очень и очень развитой цивилизации. Уровень их технологий был сложен настолько, что ушло немало циклов, прежде чем первые доводы относительно загадочных находок смогли быть опубликованы. Сам же туннель так до конца и не смогли изу-

чить. Поэтому он часто давал сбои, и тот кто пользовался его услугами мог запросто оказаться совершенно не в том месте, на которое рассчитывал.

На основе этой технологии учёные цивилизации Варахи-ли создали внутренние порталы, но гораздо меньшего радиуса действия. Они могли перемещать живые существа на весьма незначительные расстояния.

Что же касается загадочной цивилизации, которой принадлежал портал, то учёные долго спорили, кем могли быть эти мудрецы и по какой причине они покинули свой мир. Выдвигалось множество всевозможных доводов от банального уничтожения до великого исхода, вызванного неким глобальным космическим катаклизмом. Уровень развития технологий позволял загадочным обитателям заброшенного мира сделать и то, и другое. Но единого мнения так и не было высказано, а Туннель был скрыт в одном из великих хранилищ Совета и законсервирован. Так было сказано. На самом деле его продолжали изучать и периодически использовать.

Поговаривали, что кроме туннеля на этой далёкой планете было найдено ещё кое-что. Вроде как исследователи нашли там какое-то оружие, но от ужаса его разрушительной мощи ужаснулись и оставили его на своём месте прозябать в неведении для мира, ибо настолько оно было опасно. Но это были лишь слухи и не более. Подтверждений этому никто так и не смог отыскать, а сами исследователи загадочным образом погибли в одной из следующих своих экспедиций. Так

что концов этой загадочной истории уже не существовало.

Войдя в зал для перемещений, Марц-Элл встретился с магистром Вуто. Тот переминался с ноги на ногу. В его поведении чувствовалась странная нервозность, как будто магистр хотел как можно скорее покинуть это место. Но заметив историка, с улыбкой приветствовал его:

– Вот и настал час вашего великого путешествия, друг мой, – сказал он, продолжая странно улыбаться.

Марц-Элл улыбнулся ему в ответ.

– Вы преувеличиваете магистр, – ответил он. – Я всего лишь пытаюсь спасти так любимый мною мир и не более.

Вуто одобрительно закивал головой.

– Если вам это удастся, это будет величайшим достижением в вашей карьере. Вы сможете прославиться и стать одним из посланников мира во Вселенной. Ваш пример вдохновит наш народ на ещё большие свершения в области мира и процветания.

Вуто взглянул на Марц-Элла с нескрываемым уважением.

– Благодарю Вас за столь важные для меня слова поддержки, магистр! – кланяясь Вуто, ответил историк.

– Вы воистину достойны своего великого призвания! – ответил ему Вуто. – Я желаю вам удачи, и пожалуйста, будьте осторожны. Мир людей это уже не та чудная планета, которую мы с вами посещали в момент вашего обучения. Много там изменилось, и я уверяю вас, изменилось не в лучшую сторону. Как знать, быть может, и ваше мнение изменится,

и вы примете позицию Совета.

Магистр протянул к Марц-Эллу сложенные ладонями вместе руки. Историк по давнему обычаю накрыл их своими руками, и оба учёных поклонились друг другу.

Не говоря больше ни слова, магистр Вуто необычно резво развернулся и стал быстро удаляться. Марц-Элл продолжал стоять на своём месте, и в его глазах отразилось странное недоумение. Он выпрямился, осторожно разомкнул руки и, спрятав их в карманы своего костюма, задумался.

Ожидание не затянулось. Вскоре оператор Туннеля пригласил историка проследовать за ним.

Лазерная сетка, соединённая в четырёх местах подвижными турелями разомкнулась и расширилась, открывая перед Марц-Эллом холодную мерцающую пустоту. Недоумение странного поведения магистра Вуто сменилось страхом, накрывшим историка. Он был взволнован и взбудоражен. Странное чувство нахлынуло на него и от этого чувства веяло опасностью.

Марц-Элл застегнул свой герметичный костюм, созданный точно по его индивидуальным меркам. Новейшая технология позволила создать тонкий, герметичный, многофункциональный прибор. Он мог выдержать сотни градусов, как в сторону плюса, так и в сторону минуса, полностью защищал носителя от радиации и любого другого излучения. Приборная панель нового типа была голографической и позволяла управлять всеми функциями с помощью движения рук на

интерактивном визуализированном экране.

Рюкзак тоже был заполнен под завязку. Чего там только не было, начиная от продуктов и заканчивая исследовательскими приборами. Но главное новшество его путешествия вращалось рядом с ним. БИМАИ (Блок исследовательский, мобильный, автономный, интеллектуальный). Это был новейший робот, созданный из миллиардов нано частиц, способных работать по отдельности и в целом, в единой системе обеспечивать огромный комплекс всевозможных услуг и решений. С виду принявший форму обычного шара этот прибор был для Марц-Элла всем. Это был мобильный разведчик, рабочий блок-сервис, в который вносилась, извлекалась, обрабатывалась и хранилась вся информация о его миссии. Робот мог служить хирургом, оружием и транспортным средством. Он мог использоваться практически в любой сфере деятельности. Ограничений практически не было. Ко всему прочему система имела встроенный интеллект и могла самостоятельно принять решение в той или иной опасной ситуации.

БИМ, как прозвал нового друга Марц-Элл уже проходил испытания на других планетах и имел множество обновлений и доработок. Так что это была его новейшая версия, о чём неустанно напоминал историку собственный изобретатель этого чудо устройства магистр технолог Вигиз Аз.

Марц-Элл оглянулся. Вуто уже не было. Историк сжал руки в кулаки и сделал сначала глубокий вдох, а затем такой

же глубокий выдох при этом расслабляя руки. Он вытянул ладонь в сторону робота. БИМ тут же окутал её своей структурой, образуя нечто вроде длинной перчатки покрывающей всю руку от кисти до плеча. Учёный собрал в себе все силы и сделал решительный шаг в портал.

В одну секунду его рвануло вверх. Тело словно падало, но падало не вниз, а взлетало на невиданную высоту. Звёзды неслись мимо Марц-Элла словно миллиарды искр вытянувшихся в длинные тонкие лучи. Он испытал сильное давление и в ту же секунду эта сила, словно пробку из бутылки выбросила его, и он увидел покрытую серыми тучами планету. Навигатор тут же выдал координаты.

Марц-Элл смотрел и не мог поверить своим глазам. Всего лишь каких-то семьдесят циклов назад он любовался чудесной голубой планетой, покрытой атмосферой. На её поверхности были величественные океаны, покрывающие две трети поверхности суши. Это было прекрасное и, наверное, одно из немногих мест во Вселенной, где в естественных условиях могла зародиться, существовать и развиваться жизнь.

Теперь всего этого не было. Серая атмосфера практически полностью покрыла Землю. Океаны и континенты были видны лишь изредка в обрывках грязных облаков.

Марц-Элл закрыл глаза. Его снедало отчаяние и безутешное горе. Члены Главенствующего Совета были правы, высказывая своё мнение относительно человечества. Люди неразумно относятся к своему миру. Не задумываясь о гря-

душем, они заразили некогда голубую и цветущую планету радиацией, отходами своей жизнедеятельности и практически полностью истощили все ресурсы. Это привело к глобальным изменениям. Война была лишь ожидаемым последствием такого нерационального использования их места обитания.

Но неужели все люди такие, какими их рисует его опечаленное воображение? Неужели они все живут только ради стяжательства и жажды новых экспансий, не заботясь о своём мире и окружающих их соотечественниках? Неужели человечество настолько низменно в своих желаниях, что готово ради вожаемого достатка пустить под нож всё что имеет?

Марц-Элл открыл глаза. Его недоверие к этой теории проявлялось в вопросах, которыми он осыпал свой собственный разум. Он помнил красивые места усыпанные цветами, чистые глубокие воды океанских глубин полные рыбы и кормившие людской род сотни и сотни лет. Бескрайние зелёные леса, в которых росли могучие деревья и которые отдавали свои стволы ради обеспечения людей жилищем.

– Нет, люди не все так ужасны, – сказал самому себе Марц-Элл. – Я не верю, что все они стали монстрами, не щадящими ни себя, ни других, ни собственный мир, который есть их родное лоно.

Он взглянул на руку. БИМ уже сформировал себе новую форму, преобразовавшись в плоский остроконечный тре-

угольник и, был полностью готов к путешествию. Его размеры увеличились. В одно мгновение треугольник развернулся, и на его поверхности образовалась форма лица.

– Система готова, знаток Марц-Элл, – сказал синтезированный излучением голос.

Историк взглянул на робота.

– Хорошо, БИМ. Отправляйся в путь. Собери основные данные об атмосфере, почве, генетике, состоянии воды. Я спущусь ниже уровня стратосферы и зависну в ожидании.

– Будет исполнено, знаток, – отозвался робот.

– Зови меня Марц, – настойчиво произнёс историк и вновь окинул взглядом серую планету.

На панели костюма отобразился новый статус.

– Ну, вот и хорошо, – сказал самому себе Марц-Элл.

Спустя мгновение БИМ скрылся в грязных облаках, а Марц-Элл начал плавное снижение.

Глава 9. Страх будущего

Не прошло и трёх дней с моего героического и безрассудного путешествия по крышам в сторону военного госпиталя, как заболел Миша. Он слёг в прямом смысле этого слова и уже не выходил из своей комнаты. Миссис Бэкстридж бежала, словно угорелая по всему приюту и кричала на всех, кто подворачивался ей по горячую руку. Такой испуганной я её ещё никогда в жизни не видел. Несмотря на это, работы в прачечной продолжались. Только вместо нашей хозяйки теперь там заправлял мистер Крюмский. Он лично принимал заказы и присматривал за нашей работой. В данном деле он оказался весьма и весьма ответственным деятелем, и постоянно следил за тем, чтобы никто из нас не филонил. От такого дотошного присмотра я уже на второй час работы стал параноиком.

Признаться честно, стало ещё хуже. Миссис Бэкстридж лишь требовала от нас своевременного выполнения, а этот наполовину человек гонял нас так, что к вечеру, мы все едва стояли на ногах.

После того как я приполз по своему обычному маршруту в приют, помылся и переоделся, сил на то чтобы идти на ужин у меня уже не было. По этому, я отправился напрямиком в спальню и завалился в постель.

Ночью я проснулся от странного шума. Прислушавшись, я понял, что это был звук двух голосов настойчиво и яростно спорящих друг с другом. Кто были эти двое я определить не смог. Их тембр голоса был мне явно незнаком. Я протёр глаза и осмотрелся. Странной особенностью этого разговора было то, что я никак не мог определить, откуда именно он доносится до моих ушей. Тем не менее, ссора, по всей видимости, нарастала:

– Что ты понимаешь? – кричал женский голос.

– Я понимаю побольше! – отвечал мужской.

– Побольше у тебя только язык, которым ты треплешься, – мигом огрызнулась женщина.

– А ты, зануда! – не унимался мужчина.

– Я, зануда? Это я, зануда? Ха-ха!

– Ещё какая! Тебя послушать, так закиснуть можно словно простокваша.

– Ты меня этим не обидел. Я зато, всегда права, а ты постоянно мне перечишь, почём просто из вредности. Ты не способен признавать поражений.

– Да ты не более чем веришь в свою правоту! На самом же деле ты такую чушь порой несёшь, уши вянут. А потом обижаешься, что тебя оскорбляют.

– А ты только это и умеешь, оскорблять, ругаться, пако-стить!

– Зато ты у нас святая! Нимб не жмёт?

– Не жмёт! А у тебя зато, рога! Жёнушка наградила?

– Я тебя ненавижу!

– Взаимно!

Тут я, простите, уже не сдержался и вскочил с кровати.

– А ну заткнитесь! – выкрикнул я на всю комнату.

В одно мгновение мои соседи, мирно спавшие до этого момента близнецы Рим и Тим, вскочили со своих кроватей словно ошпаренные.

– Ты что, совсем спятил? Орёшь тут посреди ночи, – выпалил испуганно Тим, глядя на меня ошарашенными глазами.

Я не понимал, что происходит. Осматривая тёмную комнату безумными глазами, я пытался отыскать бранно ругающуюся парочку. Но кроме близнецов никого не видел.

Рим включил свет на своей прикроватной тумбочке. Я снова осмотрелся по сторонам, потом посмотрел на мальчишек.

– А где эти двое, которые ругались тут? – спросил я.

Близнецы переглянулись. По выражению их лиц, я понял, что случилось что-то очень странное.

– Тут только мы, да ты, – ответил мне Рим.

– Ага, – кивнул, подтверждая его слова Тим.

– Нет, нет. Я слышал. Тут были мужчина и женщина, и они ругались, – недоумевал я.

Парни вновь переглянулись.

– Может тебе приснилось? – спросил Рим.

– Ага, – кивнул, соглашаясь с братом Тим.

Я уселся на кровать и обхватил голову руками.

– Не может быть, – сказал я. – Это не может быть сон. Я так отчётливо слышал их спор.

– Да ладно Дони, подумаешь, – сказал мне Тим, усаживаясь рядом со мной на кровать. – Мне тоже вон один раз приснилось, что миссис Бэкстридж хочет меня съесть. Она была такая большая, а я такой маленький, и она за мной бежала, а мне так страшно стало, что я чуть в штаны не...

– Ну, хватит, – перебил брата Рим.

Он тоже подошёл к моей постели.

– Дони, ты не подумай, что мы тебе не верим, может и вправду это был сон. Они ведь порой от реальности не очень-то и отличаются. Ты устал сегодня. Мало ли что могло привидеться. Успокойся, всё нормально. Ложись спать. Утром поговорим.

Мне порой казалось, что Рим мальчик лишь телом. Умом он был настоящим мужчиной. Суровым, строгим, мудрым. Он всегда мог поддержать крепким словом и грамотным напутствием. Его доводы порой поражали меня, и я был готов принять его в будущем, как лидера.

Я кивнул, соглашаясь с его словами. Братья похлопали меня по плечу и вернулись в свои постели. Я долго лежал и не мог уснуть. Всё время прислушивался в надежде услышать те странные голоса. Но вокруг была тишина, нарушаемая лишь звуками огромного города гул, которого доносился из-за стен.

Как уснул, я не помнил, собственно, как и все, наверное.

Утро началось с крика. Громкий истерический вопль, разбудил нас. Ужас, который охватил мою душу, было не перепутать ни с чем. Ещё не поднявшись с постели, я уже знал что произошло.

– Что за фигня? – услышал я голос Тима. – Почему нас уже второй раз за ночь будят таким отвратительным способом?

Я вскочил с кровати и бросился к двери. Следом за мной бежал Рим.

В коридоре уже толпились воспитанники приюта «Надежды». Тётушка Фима бегала вверх и вниз по лестнице с тазиком тёплой воды и криками разгоняла всех по комнатам. А из комнаты наверху раздавались громкие крики. Я никогда не слышал, как кричит раненый зверь. Но Рим, который любил читать, как-то рассказал мне историю последнего на земле волка, который умер от тоски после того, как люди убили всю его стаю. Этот эпизод был известен в мировой истории как смерть земли. Его показали по всем каналам и люди, которые смотрели трансляцию данного зрелища, рыдали, не скрывая слёз и чувств. На следующий день было принято решение на самом высоком уровне о запрете любого промысла и охоты на любых животных планеты Земля. Но было уже поздно. Сотни видов к этому моменту уже были истреблены и исчезли с лица планеты.

Вот таким же криком сейчас оглашала приют миссис Бэкстридж. Повторюсь, я не знаю почему, но я знал, что этой

ночью умер её сын Миша, столь ненавистный мне, проклинаемый мною за убийство Машеньки умер. Сейчас он был последним зверем на моей планете. А я, не знаю почему, но с болью в сердце страдал, оплакивая его смерть. Но было уже поздно.

Меня охватил неистовый страх. Я знал, что в смерти Миши есть моя непосредственная вина. Совесть разрывала мою душу на куски. Одна кричала: – Ты убийца! А другая её часть, та, что скорбела по Машеньке, с уважением говорила: – Ты поступил так, как этот толстый хомяк заслуживал.

Я развернулся и бросился в комнату.

В этот день работы в прачечной не было. Миссис Бэкстридж рыдала так громко, что весь приют затих. Тело Миши уже увезли. Тётушка Фима бегала с лекарствами и успокоительными. Мы сидели в своих комнатах. У всех было подавленное настроение.

Я никак не мог найти себе места. Мне нужно было срочно выбраться из этого душного, маленького помещения. Словно зверь, запертый в клетке, я чувствовал, как эта комната давит на меня своими стенами. Мне срочно нужно было вырваться наружу.

– Что с тобой, Дони? – не сдержался Рим. – Ты словно весь на иголках.

Я остановился и взглянул в глаза друга. Мне нужно высказаться решил я.

Близнецы выслушали мою историю от начала и до конца,

ни разу не перебив в вопросе. Я рассказал про свои страхи и горе, как начал следить за Мишей и как узнал его тайну. Как выяснил, откуда берутся лекарства, и как ночью навещал сестру Машеньки и передал почти дословно наш с ней разговор.

– Я не осознавал тогда, что это приведёт к таким последствиям! – словно оправдываясь, говорил я близнецам. – Просто подумать не мог, что Мари выполнит своё обещание. Я хоть и неформально, но причастен к смерти Миши. Он умер по моей вине, я это знаю. Не отправься я тогда в госпиталь, ничего бы этого не случилось.

Близнецы молчали. О чём они думали в эту минуту, я мог лишь догадываться.

– А что дальше? – вдруг спросил Тим.

Такого вопроса я вовсе не ожидал, и ответил на него, интуитивно продолжая свой рассказ.

– А дальше произошли невероятно странные события. Я стал слышать голоса. Сначала меня вроде как спросили, доволен ли я своим поступком? А вчера, вы сами знаете, я слышал ссору двух людей.

Близнецы открыли от удивления рты и переглянулись.

– Нет, Дони, ты не понял, я не про это. Я говорю, что ты намерен делать дальше? В смысле, как с этим теперь жить?

Подобный вопрос выбил меня из колеи. Я так был увлечён своим рассказом и кипящими во мне терзаниями совести из-за поступка совершённого в прошлом, что совершенно не

задумывался о своём будущем.

Вопрос озадачил меня. Ещё никогда в жизни я так серьёзно не сталкивался с неизвестностью своего дальнейшего существования. Всё в моей жизни шло, как это говорят, по накатанной дорожке. Особенно с того момента, как я попал в приют. Эта бесконечная рутина ежедневной работы, образ жизни, сложившийся за столь небольшой промежуток времени, и всегда одни и те же лица скрыли от моего сознания всю глобальность ужасной картины надвигающегося будущего. Я никогда не задумывался о том, а что же будет со мной, когда я вырасту, когда придёт время покинуть приют и отправиться во внешний мир. Мне придётся жить там одному и рассчитывать только на себя. Чем я стану заниматься? Как и на что я буду жить? Я никогда об этом не думал. Признаться честно, я ужасно испугался в тот момент. Много открылось мне, и я впервые, наверное, за всю свою сознательную жизнь, заплакал.

Глава 10. Аннексионист

Система распознавания отключилась, когда Советник прошёл идентификацию. Ворота, снабжённые самой современной системой сдерживания, отворились. Путник двинулся в открывшийся его взору тёмный проход. При каждом шаге в полу, на противоположных стенах и потолке загорались лампы сопровождения. Когда Советник проходил дальше, они тут же гасли.

Место это было хорошо ему знакомо. Он бывал тут не единожды, но каждый раз его существо трепетало перед мощью сокрытых тут изобретений и артефактов.

Вот и сейчас по телу Советника пробежала волна какого-то древнего инстинктивного страха. Он поплотнее запахнул полы своей накидки и, оглянувшись, двинулся дальше.

Этот секретный объект был в полном ведении Главенствующего Совета. Он не контролировался службой безопасности Караульного гарнизона. За ним не велось никакого наружное или иное наблюдение. Доступ сюда, был открыт лишь членам Совета, но уже давно сюда никто из них не спускался. Никто, кроме него. Объект под кодовым именем «Гений» был законсервирован более пятисот циклов назад. Совет закрыл сюда доступ и спрятал ключи. Но тот, кто в данный момент находился здесь, не зря носил столь высокое звание. Он

поднял много камней, чтобы раскопать по крупницам утерянную информацию. Эти поиски были целью его долгой жизни и начались уже очень давно.

Будучи ещё мальчишкой, когда его семья перебралась на Колл, он заболел историей миров. Пытливый и любознательный ученик прочитал все учебники, все книги и манускрипты, что смог отыскать в библиотеке. С каждым циклом он подбирался всё ближе и ближе к своей цели. Закончив обучающую программу раньше срока на несколько циклов, молодой историк поступил в академию. Там, поражая мудрецов академиков своими блестящими знаниями, юноша быстро достиг средней учёной степени, и впервые за долгие циклы стал обладателем гранда на историческую экспедицию в дальний мир Арилов.

Арилы были родоначальниками цивилизации Варахили. В те давние времена остатки их планеты всё ещё вращались вокруг своей орбиты. Сей мир поглотила глобальная катастрофа, и её причины были величайшим из секретов, который будоражил великие умы с незапамятных времён.

Восемь долгих циклов молодой историк исследовал планету Сарту, одну из одиннадцати планет, вращающихся вокруг огромного жёлтого карлика, считавшуюся непосредственной родиной Арилов, и ему улыбнулась удача. Он отыскал древние скрижали, замурованные настолько глубоко, что если бы у юного археолога не было столько настойчивости, он никогда бы их не откопал. В них говорилось, что мир Сар-

ту праздновал великое достижение, изобретение некоего чуда, способного в корне изменить сознание и уровень жизни мира Арилов. Его изобретение сравнивалось по значимости с возможностью контролировать процессы жизнедеятельности. Проще говоря, бессмертие. Если верить записям, в течении двух сотен циклов жизнь на планете в корне изменилась. Не стало распрей и войн. Наступило полное умиротворение. Вершины научных достижений возросли до невероятных высот. А затем произошло нечто, что заставило великую цивилизацию Арилов полностью уничтожить свой мир. Они подвергли самих себя, и всё что у них было полной аннигиляции.

Целый мир, полный живых, мыслящих и чувствующих созданий в одночасье исчез. В одно мгновение цивилизация Арилов перестала существовать. Все следы их пребывания на родной планете скрылись под толщей времени за множество галактических циклов. Лишь смутные слухи, покрытые плотной завесой исторической пыли, витали в древних источках мира Варахили. Издревле считалось, что Арилы не более чем сказка, выдуманная некогда для младших учеников одним из писцов.

На самом деле всё оказалось куда сложнее.

Молодой настойчивый археолог не только сумел доказать истинное существование древнейшей цивилизации, но и привёз массу образцов в подтверждение своей теории. С этого момента его стали уважать и воспринимать всерьёз. Он

стал магистром по истории цивилизации Арилов и получил массу премий и наград. Он стал известнее самых знатных особ своего мира и, конечно же, разбогател. Теперь перед ним были открыты все дороги, все звёзды и все тайны вселенной. Однако как оказалось, не совсем все.

Долгие циклы магистра мучил вопрос, от которого он никак не мог отделаться. Каждый раз, как только магистр заговаривал о таинственной цивилизации Арилов, он вспоминал об их страшной и загадочной участи. Его не отпускала мысль о том, как могущественная и величайшая в области развития инфраструктуры и науки цивилизация могла совершить столь ужасное деяние? Как в одно мгновение целый мир смог массово погибнуть? Что стало причиной этого кошмара?

Признанный миром учёный злился на самого себя. Он знал, что и так сделал многое, и даже больше чем кто-либо в области изучения Арилов. Но знал так же, что сделал далеко не всё.

Спустя сотню циклов, он вновь собрал экспедицию. На этот раз это был не просто поход, созданный на нищенский гранд от правительства. Это была система, целая машина из огромных денежных вкладов, новейших разработок в области археологии и грамотнейших специалистов. Восемь судов доставили шесть тысяч историков разных специальностей и направлений на погибшую планету Сарту – одну из первых систем, освоенных Варахили, и некогда являвшейся родиной великих Арилов.

Сей мир был бесплоден, суров и опасен. Там располагался форпост слежения. Историк построил на планете хорошую базу, разместил персонал, оборудование и исследовательский центр и вновь принялся искать. За тридцать циклов его команда извлекла из недр планеты массу артефактов, исследовала останки древних механизмов и молекулярную структуру почвы. Открытие следовало за открытием. Пресса не утихала, едва успевая освещать всё новые и новые чудеса. Но были и разочарования.

Несмотря на вершину развития технологий, специалисты Великого историка не смогли найти и следа биологических останков цивилизации Арилов. Ни единой косточки, ни единой молекулы их тел, ни следа биологической жизнедеятельности. Складывалось такое впечатление, что Арилы просто растворились без следа. Отчаяние молодого магистра было непередаваемым. Он мучился от невозможности раскрыть величайшую тайну, которой посвятил практически всю сознательную жизнь, и которая будоражила умы многих его соотечественников на протяжении множества циклов.

Удача улыбнулась ему внезапно. Один из специалистов провалился в глубокую пещеру, скрытую под толстым слоем породы и погиб. Когда спасатели спустились туда, чтобы извлечь тело, они обнаружили внутри пещеры нечто, что в очередной раз перевернуло жизнь археолога.

Молодой историк не сразу понял, что нашёл. Он разобрался только тогда, когда доставил свои загадочные наход-

ки на Колл. Ужас охватил его разум. Он приказал закрыть всю информацию о найденном артефакте от внешнего мира. Все материалы засекретили и поместили в хранилище с мощнейшим энергетическим барьером, навсегда скрыв следы его пребывания на планете. В течение многого количества циклов он старался не вспоминать о том, что нашёл. После переправки находок на Колл работы своей поисковой группы археолог постепенно свернул, поскольку нестабильность в планетарной структуре Сарту грозила катастрофой. Полностью эвакуировать базу его группа не успела, и множество сотрудников погибли, когда планета Сарту саморазрушилась, и под шквалом астероидов превратилась в море обломков.

Магистр использовал всё своё влияние, чтобы замять в памяти своих соплеменников все знания об этой трагедии.

Свою находку магистр поместил в секретный подземный бункер, по которому сейчас и шёл, освещённый лампами сопровождения. Этот бункер хоть и был построен под патронажем Совета, но кроме археолога о нём никто не знал. Точнее сказать, он сам финансировал его содержание и обустройство. Все записи о существовании данного сооружения лично изъял из всех архивов.

– Назовите свой идентификационный номер! – услышал историк, суровый голос в темноте.

– 77265834, – ответил великий магистр.

В эту же секунду яркий луч сканера промчался сверху

вниз и тут же исчез. Прошло мгновение, и всё тот же голос произнёс:

– Приветствую вас, магистр. Приложите вашу ладонь к скважине био-сканера.

Историк сделал ещё несколько шагов вперёд, свет ламп сопровождения стал ярче, и перед его взором появилась массивная дверь. Тут же открылась небольшая створка, и магистр вложил в неё свою ладонь. Резкая боль отдалась в мозг, затем послышался звук анализатора, спустя десятую долю сентия щёлкнул замок. Огромная дверь медленно опустилась в подземный паз, и световая дорожка сопровождения замерцала яркими стрелами, указывая путь внутрь бункера.

Советник двигался медленно, дорожка шла с уклоном вниз. Магистр много циклов не посещал этого места. Он откровенно боялся его. Страх, который он испытал тогда, когда осознал всю опасность своей чудесной находки, долгие годы не давал ему успокоиться. Но любопытство манило сильнее.

Историк догадывался об истинной природе этого объекта. Он знал, что это нечто ничто иное, как жуткая правда, которой не дозволено было явиться на свет. Магистр предполагал, что причина гибели целой цивилизации скрыта в найденном им артефакте. Он решил, что никогда, никому не расскажет об этой находке, и что она исчезнет вместе с ним, когда придёт время.

Циклы мелькали один за другим, и мир требовал от вели-

кого магистра большего. Он обрёл могущество и пост, который позволил ему спокойно и без последствий уклоняться от неприятных вопросов. Но в глубине своего стареющего сознания Советник понимал, что у него, и лишь у него одного, есть реальный шанс узнать всю правду об исчезнувшей в небытие загадочной цивилизации Арилов. Это знание позволит ему увековечить себя в великих анналах истории его родной цивилизации.

Историк терзался смятениями и разрывался от сомнений. Его страдания были понятны. Он вновь погрузился в изучение архивов.

Теперь у него было больше возможностей, и он всё свободное время проводил в секретных секциях, где хранились величайшие тайны его народа. Советник понимал, что архивы таят в себе тайны, которые по множеству причин не должны быть раскрыты. А многим из этих тайн и вовсе положено оставаться тайнами. Не зря великие предки создали архив, в котором была информация, которую не мог получить даже Великий Советник.

Удача вновь улыбнулась ему. Историк нашёл очень старый документ, датированный чуть ли не полутора тысячами циклов тому назад. Многие данные были удалены, но суть уяснить археолог сумел. По крайней мере, ему так казалось.

В секретном документе говорилось о том, что когда его народ впервые вступил на поверхность планеты Саргу, то исследователи нашли множество свидетельств, указывающих

на то, что на планете произошло нечто немыслимое. Однако некоторые находки свидетельствовали о том, что жившие тут создания были не очень-то миролюбивы. После долгих исследований и поисков спуск в одну из пещер закончился трагедией. Экспедиционная группа с номером БИС-445 почти полностью погибла в результате столкновения с неизвестным до этого субъектом. Что именно это было, в докладе не говорилось, но было указано, что объект был извлечён из состояния больше напоминающего анабиоз и помещён в круглую капсулу с герметичной системой под большим давлением. Впоследствии, после доставки на Сауру, он был помещён под купол энергосодерживания и сокрыт в изоляции от всего живого. Дальше в сообщении говорилось, что после катастрофы на Сауре объект был переправлен обратно на Сарту и скрыт в строго засекреченном месте, а все записи по этой операции по приказу генерала Гуркхка были уничтожены. После этого генерал был арестован, осужден и умерщвлен по приказу Совета в вакуумном секторе.

Много циклов потратил магистр в стараниях собрать все данные по секретному объекту. Великий Советник сам до конца не знал, с чем ему предстоит столкнуться, если информация, каким бы то ни было чудным образом, попадёт не в те руки. Его труды вновь увенчались успехом. За долгие циклы своих археологических изысканий он видел множество того, чего знать простым жителям Колл не положено. Запечатлел массу секретов, и многие из них засекретил лично. Также он

поступил и со своим секретным бункером, который обозначался лишь в одном, ему лично принадлежащем документе, под кодовым именем «Гений». Содержимое этого бункера теперь должно быть укрыто надёжно от чужих глаз и мыслей. Так думал Великий Советник. Но он ошибался.

Скрывая свои секреты от других, он совершенно не подумал о себе. Несмотря на реально существующую угрозу совершенно неизученной и основательно неизвестной природы, любопытство одолело верх над разумом великого археолога.

Впервые за долгие сотни циклов Великий Советник нарушил закон, который сам был поставлен блюсти. Он приказал своим подчинённым, перевезти все материалы архива по проекту «Гений» в своё собственное распоряжение. Он был весьма осторожен, как ему казалось. Но это была лишь иллюзия. Советник в действительности даже не осознавал, с чем он столкнулся. Чем дальше он заходил в эту, как ему казалось, полностью контролируруемую им стихию, тем больше он увязал в трясине своего наивного неведения.

Коридор, что спускался вниз, закончился. В центре круглого шарообразного зала, окутанного сильнейшим энергетическим полем, вращалось нечто. Это не было какой-либо известной науке физической субстанцией или формой жизни. Это не была энергия, это не было что-то живое или нечто духовное. Всё что смог видеть магистр – было прозрачное свечение, мерно парившее в пространстве энергетического

поля.

Из древних документов его предков следовало, что когда нечто было найдено на Сарту, оно находилось в странном состоянии покоя, словно во сне. Субстанция не излучала никаких волн, энергетических потоков, радиации и прочего вида известной миру энергии. Оно словно было мертво. Но при приближении к нему чувствовалось странное состояние, от которого начинали трястись руки и разум терял осознанность мышления.

Но, самое страшное открылось археологу позже, когда он приблизился к своей находке. Оказалось, что нечто имеет разум. После достаточного нахождения рядом с живыми созданиями, найденное магистром нечто стало проявлять признаки жизни. В первый цикл исследований погиб один из учёных, странным образом сошедший с ума и убивший себя, перекусив провод центрального энергоблока. Через несколько сотен пэрий (один пэрий равен 4 часам земного времяисчисления – прим. автора) стали поступать жалобы от других сотрудников о том, что нечто вроде как вытягивает из них жизнь, память, воспоминания.

Советник тут же прекратил исследования и распорядился закрыть находку в бункере.

Он долгие циклы не приходил туда. А когда однажды спустился, то увидел, что странное нечто вновь погрузилось в спячку. Магистр понял, что без непосредственного общения странное создание теряет силы и как бы впадает в сон. Он

вновь закрыл бункер на десяток циклов. А когда вернулся, его уже ждали.

Странное нечто было весьма любознательным. Оно общалось с археологом сначала с помощью телепатии. Затем, когда смогло достаточно проснуться, уже с помощью голоса. Оно многое поведало магистру о таинственной цивилизации Арилов. В том числе и об их технологиях, колониях и истории.

Советник вновь возглавил заголовки таблоидов, он снова заговорил о своём детище. Историк ссылаясь на древние артефакты, которые якобы долгие циклы изучал и сумел постичь их загадочный смысл. Многое открылось магистру после бесед со странным созданием. Но одна тайна всё так и не поддавалась разгадке.

Спустя одну десятую цикла, историк стал замечать, что теряет некие осколки своих знаний. Забылись некие моменты далёкого прошлого. Он стал страдать странной формой зависимости. Его постоянно тянуло в этот бункер, где было сокрыто нечто.

Осознав это, магистр испугался по-настоящему. Он постарался оградить себя от общения с этим странным созданием. Но зависимость была уже необратимой. Каждый раз он просыпался с мыслью о секретном бункере, и каждый раз огромной силой воли сдерживал себя от соблазна спуститься туда. Долгими закатами он мучился от томившего его соблазна. Но осознание невероятной опасности притупилось,

и однажды ночью он услышал голос, очень тихий, словно умирающий. Он звал его, молил о пришествии и продолжении общения. Советник проснулся в ужасе. Сначала он подумал, что это был лишь сон, но стоило ему только подумать о странном создании, как голос повторялся вновь. Его мольбы были похожи на страдания преступника, обречённого на вечные муки в заточении. Они были столь ужасны и искренни, что Советник уже не мог больше переносить их. Он стойко сопротивлялся в течении нескольких десятков циклов. Археолог знал, что общение с созданием может быть опасным. Но силы старика уже не хватало на то, чтобы сдерживать напор постоянных криков, что сводили его с ума. Магистр стал подумывать о самоубийстве. Но в одну из ночей голос предложил ему то, от чего Советник не смог отказаться.

На этот раз голос руководствовался неким знанием, которое могло раскрыть истинную причину гибели цивилизации Арилов. Перед этим доводом Великий советник и магистр истории не смог устоять. Он отринул свои же инструкции, пренебрёг голосом разума и инстинктами, которые кричали ему о страшной угрозе. Он подчинился лишь своему любопытству, которое уже много циклов терзало его. Перед ним открывалась величайшая тайна древнего мира, самая трепетная и будоражащая история, у которой пока не было финала, но который был уже так рядом, что оставалось просто протянуть руку и взять. Это могло навсегда изменить мир,

в котором жил великий магистр, перевернуть мировоззрение о величественной загадке прошлого. Сознание археолога встрепенулось. Причины этого эмоционального всплеска он не мог объяснить. Он просто бросился в бункер и прильнул к сфере, окружавшей запечатое в ней нечто. Он слушал и гладил энергетический барьер, смотрел на субстанцию взглядом совершенно неприсущим его манере и улыбался.

Что именно увидел и услышал магистр там, в тот самый момент излома его сознания, было загадкой, которую он никому не раскрыл.

Советник подошёл к огромному энергетическому барьеру и приложил к нему свою руку.

Внутри метнулось некое движение, и магистр открыл глаза, устремив взор на то, что было внутри сферы.

– Мой Господин, я приветствую вас, – раздался странный голос, больше напоминающий мягкие вибрации воздуха. – Всё получилось?

Советник взглянул на создание и улыбнулся.

– Да, всё получилось. Совет полностью на моей стороне. Они даже не подумали, что это уловка. Их слепота нам на руку. Они фанатично верят в свои идеалы и готовы защищать их до конца. Молодого историка словно изгнали. Он не сможет ничего доказать. Уже слишком поздно. Аннексионист запущен. Тот мир уже не спасти, и вскоре он станет нашим. Мы сможем модифицировать его и возродить утерянное.

Глава 11. Ангел

Дни шли за днями, часы сменяли друг друга, словно капли падающие с крыши. Ударяясь об меня, они разбивались и исчезали в небытии. Мой мир стал однообразным, скучным, серым, словно этот город, который я возненавидел. За собой я стал замечать, что изменился. Я стал грубым, раздражительным и несдержанным. Меня могла взбесить простая мелочь, наподобие ежедневного ползания по вонючей трубе.

Однажды я настолько разозлился, что со всего размаху ударил мистера Крюмского, которого раньше боялся больше смерти, трубой по его протезированной ноге. Труба погнулась, мистер Крюмский был в ярости и запер меня в чулане до конца рабочего дня.

Миссис Бэкстридж слегла. Она болела уже три недели и не показывалась нам на глаза. С тех пор как кремировали её сына, она заперлась в своей комнате и пускала туда только тётушку Фиму. Однажды Зюзя наткнулся на неё в туалете, в котором он как всегда оказался по своей рассеянности. Вид осунувшейся, старой, с отсутствием макияжа женщины едва не заставил маленького мальчика вскрикнуть от ужаса. Он заткнул свой рот рукой и так и просидел в тёмном углу, ожидая ухода страшной женщины. Как потом рассказывал сам Зюзя, она напомнила ему смерть с одной из картинок, что

он видел в книжке Рима.

Тётушка Фима держала на себе весь приют и в прачечную отправляла работать только мальчиков. Все девочки оставались в приюте и помогали ей по хозяйству.

По ночам я частенько выбирался на крышу один. Сидел там и смотрел на редкие звёзды.

Я вспоминал о Машеньке и часто плакал. Порой думал о её сестре Мари. Пытался даже отыскать её, но в госпитале она, как оказалось, больше не работала и куда делась после предположительной ссоры с миссис Бэкстридж, я не знал. Я также не знал, была ли это ссора, или Мари сама ушла, решив таким образом наказать старую ведьму за её ложь и жадность. Мне было очень жаль, что я не смогу больше увидеть Мари, я бы хотел многое ей рассказать о её сестре и о том разговоре, что состоялся у нас в раздевалке старого стадиона, ныне именуемого военным госпиталем.

Жизнь, как мне казалось, потеряла всякий дальнейший смысл. Рядом не было никого, кто мог поддержать меня, сказать доброе слово или просто прижать к своей груди. Рассказать, как он мною дорожит и насколько его жизнь без меня бессмысленна. Так мне казалось, но я ошибался.

Как-то раз я по обыкновению выбрался ночью на крышу и, разместившись на высокой телебашне, стал всматриваться в даль освещённую огнями огромного города. Мне вновь вспомнилась Машенька. Я представил себе её личико и её косички. Улыбка произвольно натянулась на мои губы, а

из глаз потекли горячие слёзы.

– Как же мне тебя не хватает! – сказал я тихо и вытер кулаком заплаканные глаза.

– Ей тебя тоже не хватает, – услышал я голос.

Это было для меня такой неожиданностью, что я подскокил и едва не свалился с вершины телебашни.

Чья-то крепкая рука удержала меня и сильным рывком вернула обратно. Я откатился в сторону по железной решётке крыши, и быстро поднявшись на ноги, осмотрелся по сторонам. Возле противоположного бортика телевизшки, облокотившись на перила, стоял человек. Он был весьма необычный, поскольку его одеяние просто не попадало под мои представления о том мире, в котором я жил. Длинный приталенный френч с большим капюшоном, наброшенным на голову. Широкий пояс на талии опоясывал кафтан с красивыми большими пуговицами. К поясу крепился тонкий клинок в изящных ножнах. Штаны простого покроя, заправленные в длинные до колен сапоги. В руках он держал перчатки. На пальце у него было надето странное кольцо с изображением расправленных крыльев охватывающих палец. Лица странного собеседника я не видел, но с одного взгляда определил, что передо мной женщина.

Она была невысокого роста, но с хорошей фигурой.

– Кто вы? – испуганно спросил я, начиная потихоньку пятиться в сторону лестницы.

Девушка сделала уверенный шаг вперёд и преградила мне

путь к отступлению.

– Кто я, это мне известно, – ответила она спокойно. – Интересно другое. Она пристально взглянула мне в глаза из-под большого капюшона, и я увидел их необычный блеск. – Почему ты меня слышишь? А теперь ещё и видишь?

Я испуганно прижался к хлипкому остову перила.

– А что не должен? – выпалил я первое, что пришло мне в голову.

Девушка схватила меня за подбородок и повертела мою голову, оглядывая её со всех сторон.

– В том то и дело, что не должен, – сказала она, отпуская меня.

– Вы кто такая, наёмник или убийца? Я никому ничего не скажу, уж поверьте.

Девушка подскочила словно ошпаренная.

– Да ты в своём уме, Донатан Грэй! – вскрикнула она. – Какой я тебе убийца?

Она схватилась за голову и опустилась на корточки.

– Простите, – прошептал я, всё ещё не до конца понимая, что происходит.

– Да ладно уже, – выпалила девица. – Нет, ну каков, а? Меня в убийцы записал. Ты много видел убийц, чтобы так обо мне отзываться? Ты ведь даже меня не знаешь. Как это по-человечески судить о собеседнике по внешнему виду.

Я смотрел на девушку совершенно ошалевшим взглядом человека, который свалился с луны в сеновал, и теперь его

приземление обсуждается всеми, включая обитателей этого строения. Девушка посмотрела на меня, и видимо, осознавая, что пришла пора объясниться, уселась рядом со мной.

– Скажи, Донатан, как давно ты слышишь меня? – спросила она.

Я прикинул в уме. С момента моего посещения госпиталя и разговора с Мари прошёл уже почти месяц.

– Дней тридцать прошло, – сказал я. – В первый раз я услышал лишь вопрос: Доволен ли я своим поступком?

Девушка улыбнулась и покачала утвердительно головой. Она явно понимала что происходит.

– Ну и как, ты доволен? – спросила она.

Я растерялся и не нашёлся что сказать. Просто смотрел на девушку в капюшоне и молчал.

– Я всё знаю, Донатан, – сказала она, нарушив моё испуганное молчание. – Знаю, что совесть гложет твою душу. Знаю, что ты страдаешь и винишь себя за ту беседу с Мари. Знаю, что ты грустишь и скучаешь по её сестре. Ты любил её, и это я тоже знаю.

– Кто вы? – не сдержав слёз от нахлынувших на меня воспоминаний спросил я.

Девушка посмотрела на меня пристальным взглядом, затем скинула с головы капюшон и помотала головой, расправляя скомканные волосы. Я открыл от изумления рот. Незнакомка была прекрасна. Яркие светлые глаза, белые волосы. Они были невероятно чистыми и отражали свет. Губы алые,

словно кровь. Лицо слегка округлое с небольшими скулами. Я смотрел и не мог оторвать от неё взгляд.

Девушка заметила моё удивление и нежно протянула ко мне руку. Я ожидал всего, но только не этого. Она плавно приподняла мою нижнюю челюсть, которая открылась самопроизвольно, что я даже не заметил этого. Затем своей перчаткой девушка вытерла мой рот и улыбнулась.

– У каждого человека есть свой личный Ангел-хранитель. Он приставлен к нему от рождения и всегда, независимо от обстоятельств и причин, времени суток и состояния человека присматривает за ним. Ангел не имеет права вмешиваться в жизнь человека, но иногда, когда человек стоит на перепутье своей судьбы, Ангел может намекнуть, как правильно поступить. Многие люди даже не догадываются о существовании такого мощного хранителя. Они попросту не верят в Ангелов. А Ангелы в них верят, и порой очень страдают, видя ошибки, которые совершает человек. Это конечно не сказывается положительно на Хранителях, и часто Ангел умирает раньше, чем человек, и тогда за дело вступает уже другая сила.

Она немного погрустнела, и как мне показалось, о чём-то задумалась, но в мгновение очнулась, и вновь её чарующая улыбка озарила мою душу.

– Какая другая сила? – спросил я.

– Тебе это пока знать необязательно, Дони. Ты хороший человек, несмотря на столь сложную жизнь, которой ты жи-

вёшь и мир, в котором ты родился. Ты, как и все, совершаешь распространённые ошибки, но это мелочи по сравнению с тем, что сотворил твой заклятый враг Миша Бэкстридж.

Тут пришла моя очередь грустнуть. А девушка, тем временем продолжала:

– Я знала его Ангела, и видела, как он умер. Убийство нельзя разделить на плохое или на хорошее. Это убийство и оно лишает жизни сразу трёх созданий.

Я слушал и не мог поверить своим ушам. Я видел свет, что исходил от моей новой собеседницы, и я понимал, что столкнулся с тем, о чём и не догадывался.

– Смерть забирает не одного, она забирает троих. Того кого убили, его Ангела, и самое страшное, она убивает Ангела-хранителя того, кто убийца. С этого мгновения убийца становится совершенно не защищён от зла, что вертится в этом мире. Он гарантированно погибнет или станет тем, кем ему совершенно не предназначено быть. Его судьба сломается окончательно, и жизненный путь уже никогда не возродится.

Она закончила свой рассказ и замолчала. Я смотрел на девушку и не мог произнести ни слова. Она посмотрела вдаль и перевела свой взгляд на меня.

– О, прости, – вдруг выкрикнула она. – Я такая невежда! Ты ведь даже не знаешь, как меня зовут. Я Алис, твой Ангел-хранитель!

Она протянула мне свою руку, и я очень осторожно пожал

её.

– Не думала никогда, что смогу пообщаться со своим подопечным, – улыбнулась она вновь.

Я тоже вроде как немного расслабился и спросил:

– Я, наверное, сплю. Мне просто не верится, что это происходит. Но скажи мне Алис, почему я тебя вижу? Я никогда не слышал о чём-либо подобном. Как такое может быть?

Алис взглянула на меня и пожала плечами.

– Признаться, я сама не совсем понимаю, как это произошло. Однажды я просто увидела некий свет, что исходил от тебя. Тут я подумала: «Вот было бы здорово познакомиться с человеком». По всей видимости, моё желание сбылось.

Раз это случилось, значит, на то есть свои причины. А раз есть причины, то обязательно появится следствие этого.

Мы оба погрузились в глубокую задумчивость. Я обдумывал слова Алис. О чём думала она, я не знал.

– Я слышал странную ссору как-то ночью? – неожиданно для самого себя спросил я у Алис.

Она оторвалась от своих мыслей, и сморщила личико.

– Да, я помню, – ответила она. – Прости, что тебе пришлось стать свидетелем этого разговора.

– Это ты? Ты ссорилась? Но с кем?

– Со мной! – раздался сзади грубый мужской голос.

Я узнал его сразу. Это был тот самый голос, который я слышал тогда ночью во время ссоры двух невидимых мне голосов.

Глава 12. Первый вывод

Марц-Элл спустился довольно быстро. Он завис на нижнем уровне Стратосферы и приготовился ждать доклада от БИМАИ. Первые данные, которые он получил от анализатора своего костюма, были очень неутешительными. Содержание в воздухе планеты Земля диоксида серы превышало все мыслимые и немыслимые показатели. В соприкосновении с водяными парами серный газ образовывал серную кислоту, которая опадала на землю с дождями, и тем самым загрязняла почву, воду и убивала растительность. Что же касается человека и других живых существ, то при попадании в лёгкие серная кислота приводит к их разрушению. А при поражении кожного покрова возможны ожоги, экзема и масса всевозможных онкологических заболеваний, повышение аллергической чувствительности.

Повышенное содержание оксида углерода или угарного газа тоже било рекорды. Это очень ядовитый газ без цвета, запаха и вкуса. При воздействии большого количества угарного газа человек может потерять сознание, он может впасть в кому или даже умереть.

Также в атмосфере было полно радиоактивных изотопов, амиака, примесей тяжёлых металлов и это далеко не полный список. Марц-Элл, даже думать боялся результатов, какие

представит ему БИМАИ.

Тёмные тучи плыли очень низко, и Марц-Эллу пришлось спуститься ещё ниже. Он завис на высоте пяти тысяч километров над поверхностью планеты по меркам здешних измерений. Сканирование пространства не выявило наличия поблизости каких-либо воздушных судов и объектов. Пространство было совершенно пустым. Местность под ним была серой и безжизненной. Он вскинул руки и вывел на голографическую панель карту планеты. Совместив изображение с синхронизатором, он с трудом смог определить точку местности. Это была Северная Америка. Но осмотревшись во всех доступных историческим диапазонах, он так и не смог поверить, что перед ним некогда цветущий штат Калифорния.

Серая безжизненная пустыня, покрытая пеплом и источающая сотни зивертов – смертельно опасных для человека единиц облучения. В таких условиях не способен выжить ни один живой организм.

Марц-Элл загрузил из базы возможные причины образования такого высокого радиоактивного фона. Картинка вновь оказалась не радужной.

Компьютер знал причины возникновения высокой радиоактивности в этом районе и тут же высчитал, что при самом лучшем раскладе, и даже при проведении терраформирования планеты, высокий радиационный фон тут сохранится ещё, по меньшей мере, сорок тысяч циклов. По меркам земного времени – восемьдесят тысяч лет. К концу этого срока

человечество как вид уже исчезнет без следа. На планете появятся новые виды организмов, способные пережить повышенный радиационный фон. Но будут ли эти существа разумными, такими же деятельными как люди, это было под большим вопросом. Возможно, что при некоем стечении обстоятельств, какая-либо из особей человека, подверженная мутации, изменится и сможет постепенно приспособиться к новому уровню жизни, но этот процесс займёт не менее тридцати тысяч лет. Эволюция не скачет семимильными шагами, это долгий и кропотливый процесс отбора, который весьма суров к своим кандидатам.

Костюм подал сигнал и на экране панели карта приближалась к западному побережью Северо-американского континента. Марц-Элл достал из рюкзака специальную кассету, в которой находились исследовательские зонды, и выстрелил вниз. Маленькая капсула, словно искра, метнулась к поверхности планеты и в нескольких метрах от земли раскрылась, выбрасывая сотни микродронов, которые тут же стали расползаться в разные стороны, анализируя всё, что встречаются на своём пути. Ту же самую процедуру, Марц-Элл проделал, когда достиг поверхности океана.

Он представлял собой огромную чёрную массу, покрытую толстой масляной плёнкой из отходов переработки нефтепродуктов. Таким великий океан историк представить не мог. Его сердце сжалось от горечи. Он впервые за долгие циклы, прошедшие после обучения, когда сокурсники драз-

нили его батаном, разозлился. Его колотила немыслимая дрожь. Марц-Элл был высокообразованным социумом своего мира и знал многое о последствиях безрассудного поведения. Его далёкие предки однажды чуть не привели его мир к вымиранию. Но в отличие от людей, у Варахили были технологии, позволяющие им найти себе новый безопасный мир, в котором можно было начать всё сначала. Люди же такой возможности не имели. Их мир замыкался на их планете, им некуда было бежать в случае глобальной катастрофы, но по непонятным для Марц-Элла причинам жители Земли этого не понимали и в результате привели свой мир к полному краху.

Отчаяние с каждой минутой поглощало разум молодого историка. Он начинал осознавать, что слепо верил в любовь людей к искусству и стремлению к развитию. Он был ослеплён их творениями и изысканиями, но не обратил внимания на их жадность и стремление к безграничной и всеобъемлющей власти. Он рассматривал человечество с точки зрения его истории и тех уроков, которые оно должно было из неё извлечь, и совершенно не подумал об отдельных индивидуумах, способных на всё ради достижения своих низменных целей. Опасность таких субъектов заключалась в первую очередь в том, что когда в их руки попадали неограниченные возможности вкупе с самой настоящей безнаказанностью, сокрытой силовыми методами и средствами управления. Эти субъекты могли воспользоваться данными приви-

легиями, дабы вершить на планете свой, лишь одним им понятный метод управления, неподчинение которому могло привести к глобальному кризису и, в конечном счёте, к катастрофе планетарного масштаба.

Скорее всего, именно это и произошло на некогда прекрасной планете Земля. Жизни миллиардов живых существ не идут в сравнение с амбициями горстки безумцев неспособных на адекватные методы решения проблем. А ядерное оружие не имеет мыслей, это лишь механизм, которому наплевать, сумеем мы выжить после того как он взорвётся или нет.

В своё время он был одним из множества тех, кто категорически выступал против того, чтобы дать возможность людям изучить атом. Но ресурсы планеты истощались быстрее, чем выделенное время и возможности на поиски решения проблемы. Тогда выдвигалось много версий, но все они были слишком сложны и требовали много лет разработок и исследований. Человечество могло не пережить столь долгого энергетического голода. В конце концов Марц-Элл сдался под напором, как тогда казалось, неоспоримых доводов.

Считалось, что эра атома будет быстрой, и вскоре люди смогут постичь его истинную силу и направят её в мирное русло. Считалось, что кризис миновал. Но люди посчитали иначе. Первой разработкой на основе атома сразу же стало оружие. Марц-Элл вновь попытался достучаться до Главенствующего Совета с призывом изъять атом из технологиче-

ской базы людей, но было уже поздно.

Он облетел вокруг планеты не менее десятка раз, и каждый миг его разум поражался тем изменениям, которым подвергся этот мир. Растительность практически исчезла. Серые тучи покрывали восемьдесят процентов планеты. Во многих местах бушевали ураганы, землетрясения, вулканы разрывали планету. Грязные цунами стирали прибрежные останки городов. А злой холодный ветер разносил по всей земле заражённый воздух, которым дышали остатки человечества. Лишь в одном месте сильный поток холодного воздуха с Арктики отсекал заражённые ветры из Европы и отгонял их дальше на юг, где они изгибались и продолжали свой жуткий путь по Средне-Русской возвышенности, далее расширяясь в сторону Прикаспийской низменности. Планета практически опустела. По данным сканера, которым воспользовался Марц-Элл, на земле за последние тридцать лет погибло 48 процентов населения. Это почти 5 миллиардов. Большинство из них умерли от последствий последней войны, крупнейшего локального конфликта, вызванного ядерными ударами по территории Соединённых Штатов Америки и Европы. Остальные медленно, но верно умирали от радиации и болезней. Инфраструктура человечества пришла в упадок, технологии замкнулись на военных разработках и специальных очистительных приборах, связанных с фильтрацией воздуха и воды. Города покрыли огромные купола невероятных размеров, сделанные из прочного пластика. Этот материал

мог с лёгкостью выдержать налёт урагана. Большинство живых форм отмечалось на территории бывшей страны России, особенно в центральной её части, куда всё ещё с трудом добирались грязные ветры. Также крупные очаги жизни сосредоточились на территории южной Африки и центральной Азии. Они, как могли, обустроивали свой новый мир. Но вокруг их уже уверенно зарождался новый, неведомый им доселе и поэтому невероятно опасный мир.

Сигнал распознавания вывел историка из глубокой задумчивости. Бим примчался, и его просто распирало от критических анализов. Робот тут же передал все данные на костюм историка. Голографическая панель была усыпана красными строчками. Они означали критический доклад. Марц-Эллу было достаточно лишь взгляда.

Анализ кислорода – критическое загрязнение.

Анализ воды – критическое загрязнение.

Анализ почвы – критическое загрязнение.

Анализ биомассы – критическое загрязнение.

Анализ уровня жизнедеятельности – критическое загрязнение.

Анализ уровня радиационного фона планеты – критическое загрязнение.

Анализ уровня смертности видов – 87%

Анализ уровня рождаемости и воспроизводства – 14%

Анализ присутствия разнообразия видов – критический.

Анализ новообразования видов – 63%

Последняя строчка была самой странной. Она сильно насторожила историка и он попросил у своего костюма разъяснений. Роботизированная система тут же вывела на голографическую панель подробную информацию.

Примеры новообразования видов – гласил доклад. На панели стали появляться странные снимки весьма неземных существ. Это были и всевозможные микроорганизмы, и существа крупнее, и большие весьма страшного вида твари и, наконец, Марц-Элл увидел это. Он приблизил изображение и попросил костюм очистить его от теней и бликов. Создание, что увидел перед собой Марц-Элл, было точно не человеком, но очень его напоминало. Очень худой и в два раза выше ростом, он передвигался на задних конечностях и имел лишённую волосяного покрова голову. Его скелет просвечивал изнутри ярким бордовым светом. У создания не было лица, лишь две маленькие дырочки, больше напоминающие носовые отверстия, расположенные спереди.

– Что это? – спросил робота историк.

Его костюм тут же вывел на дисплей вывод и заговорил:

– По данным, собранным нашим разведчиком БИМАИ, это первая форма мутации человека. Точных данных нет, поскольку нет образцов биологического характера. Данный снимок лишь подтверждение присутствия на планете существ более развитой и приспособленной формы жизни. Это вполне ожидаемо, поскольку подобные изменения характерны для такого уровня загрязнения.

– Оно разумно? Оно опасно? – спросил историк.

– Точных данных нет, поскольку БИМАИ не проводились точные наблюдения и исследования данного вида.

Марц-Элл взглянул на серую и мрачную планету. Он не мог поверить, что это произошло на самом деле, но видел всё своими глазами и понимал, что неправ, оправдывая людей перед Главенствующим Советом. Люди действительно не достойны, жить на этой планете. Они не ценят ничего, кроме самих себя. Такого халатного и попустительски-варварского отношения к своей родной планете историк даже и представить не мог. Он знал, что его предки поступили когда-то ужасно и, развязав войну, практически уничтожили самих себя. Но именно это позволило им впоследствии осознать весь ужас своего поступка и полностью изменить своё мировоззрение, стать другими и истинно оценить величие жизни. Люди, по всей видимости, подобного уже ни когда не поймут.

Историк взглянул на последнюю строчку анализа, доставленного БИМАИ. Его сердце сжалось. Надпись пульсировала красным цветом.

Новые форма жизни!

– Всего тридцать лет, а уже такое разнообразие, – Марц-Элл листал снимки сделанные БИМАИ.

Он вывел отдельный дисплей под новые данные и вновь обратился к костюму.

– Какие прогнозы относительно их дальнейшего разви-

тия?

– Требуются образцы и подробные исследования, – тут же ответил костюм.

– Понятно, – выдохнул историк. – Каковы предварительные выводы?

На панели вспыхнула пульсирующая красным длинная запись.

Вывод: Планета Земля имеет критический уровень загрязнения, опасна для жизни имеющихся на планете и сложившихся в процессе эволюции биологических видов. Радиационный фон в десятки раз превышает положенные нормы. Загрязнение воздуха, воды и почвы неприемлемы для жизни. Дата полного вымирания ныне живущих на планете организмов сто лет. Плюс минус пятьдесят лет. Требуется провести дальнейшие исследования новых формообразований. Рекомендуются полная эвакуация! В дальнейшем планета может быть подвергнута восстановлению, которое займёт в среднем пятьдесят полных циклов.

Далее следовала подпись: Доклад оформлен и передан в Главенствующий Совет.

Глава 13. Бес

Я обернулся. В двух шагах от меня, скрестив руки на груди, стоял парень. Длинный плащ развевался на ветру. На голове у него была шляпа чёрного цвета с большими полями. Высокие ботинки с множеством клёпок для шнурков, в которые были заправлены штаны с большими карманами. На поясе у парня был надет ремень с огромной бляхой, изображающей оскаленную волчью морду. На ремне висел широкий клинок, что было заметно по его ножнам. Парень держал во рту сигарету и смотрел на меня и Алис, со злобным выражением на лице.

– Что тебе уже успела напеть эта гуманистка? – прорычал он, обращаясь ко мне.

– Это не твоё дело, Дивил! – тут же встряла в разговор Алис.

Парень вскинул свой злобный взгляд, и сделал шаг в моём направлении.

– Как это не моё дело? Ты вербуешь моего потенциального клиента, – он взглянул мне в глаза и, подмигнув, сказал. – Ты здорово мне помог с этим Мишей. Хороший мальчик, спасибо тебе!

– Не впутывай его в свои козни, Дивил, он не твоего поля ягода.

– А я считаю, что как раз моего. Нам, очень нужны такие люди как он.

Парень сделал ещё один шаг в мою сторону и опустил мне на плечо свою руку. Сигарета всё так же продолжала дымиться в его губах.

Алис рванулась вперёд и, отбросив руку парня с моего плеча, сказала:

– Убери от него свои руки. Пока он со мной тебе его не заполучить.

– Так это проблема небольшая! – глядя прямо в глаза Алис, прорычал парень. – Ему осталось немного до полного нервного срыва. А там и до греха недалеко.

– Отойди от него Дивил, – опуская руку на хвостовик своего клинка прошипела Алис.

Парень вскинул руки вверх, словно показывая, что сдаётся и, улыбаясь, попятился назад.

– Хорошо, хорошо! – со смехом в голосе сказал он. – Я вовсе не собирался его трогать. Лишь хотел убедиться, что он действительно меня видит и слышит.

– Можешь поверить, Дивил, он видит и слышит. А теперь тебе пора.

Парень удивлённо посмотрел на Алис и с горечью в голосе произнёс:

– Ты уже меня выгоняешь? Как жаль. Мне так хотелось поближе познакомиться с моим новым подопечным. – Он вновь взглянул на меня и, улыбаясь во весь свой рот полный

пожелтевших от никотина зубов, произнёс. – Я верю в тебя Донатан Грэй. Мне кажется, что мы неплохо смогли бы сдружиться. Твоя новая подружка наверняка будет отговаривать тебя от общения со мной, но ты подумай. Порой, не всё, что может человек, даётся ему свыше. Иногда для достижения цели нужно пройти через ад. А это полностью моя стихия. Так что если вдруг тебе понадобится помощь монстра, обращайся.

– Превосходная речь, Дивил, но ему не понадобятся твои услуги. Они ему не по карману.

– О-о-о, это отнюдь не проблема! – протянул всё также улыбаясь Дивил. – В нашей скромной организации можно оформить покупку в кредит. Признаюсь тебе мой юный друг, без преувеличения, это наше запатентованное изобретение. Так что ты не стесняйся, обращайся.

Я смотрел на этих двоих и с трудом понимал, что именно здесь происходит. Мне казалось, что я нахожусь в некоем загадочном сне, в котором всё происходит независимо от моей воли. Я лишь являю собой некоего наблюдателя и покорного слушателя. Странная парочка тем временем продолжала цапаться. Они уже, казалось, совершенно не обращали на меня внимания и были полностью поглощены своими проблемами, коих у них накопилось немало за долгие годы совместного сотрудничества в области переманивания людей на ту или иную сторону. Слушать их бесполезный для меня трёп было совсем неинтересно и я, поднявшись, начал спускаться

с телевышки. Когда я оказался на земле, эти двое уже стояли внизу.

Я посмотрел на них, и не говоря ни слова направился к двери, что вела в приют.

– Донатан, подожди, – обратилась ко мне Алис. – Ты не должен воспринимать нашу ссору как причину, по которой мы решаем за тебя кто из нас будет тебе ближе. Мы не вправе выбирать, эта привилегия всегда останется за тобой. Мы лишь две стороны, к одной из которых ты, в конечном счёте, примкнёшь.

Я не сказал ей ни слова и медленно удалился, скрывшись в своём люке.

Утром я обо всем рассказал парням, Риму и Тиму. Они слушали меня очень внимательно и ни разу не перебили. В конце моего рассказа они оба переглянулись, и Тим спросил меня:

– Как ты себя чувствуешь?

Я был откровенно разочарован его вопросом. Это было неудивительно. Доказать правоту своих слов я не мог, а поэтому надеяться на то, что мне поверят было глупо.

– Давай я тебе помогу, – услышал я над ухом приятный голос Алис. – Они меня не видят и не знают что в моей власти. Пусть зададут тебе какой-либо вопрос, на который только они знают ответ.

– Вы мне не верите? – спросил я, показывая тем самым, что соглашаюсь с условиями Ангела. – Хорошо. Давайте так,

вы спросите меня о чём-то, о том, что знаете только вы. Я отвечу. А там поглядим.

Близнецы вновь переглянулись, и с ехидной улыбкой на устах спросили:

– Что было в коробке у дяди Гарри, когда он пришёл в последний день со своей работы?

Кто такой дядя Гарри я от них никогда не слышал. Они разговаривали порой о своих родителях, и я даже знаю об их гибели, но вот о более дальних родственниках я не слышал ни слова. Сделав вид, словно задумался, я взглянул на Алис. Но вдруг заметил, что девушка не одна. Она разговаривала с двумя другими людьми в таких же светлых одеждах, как и она сама. Это были совершенно незнакомые мне личности. Один был одет словно профессор из старого фильма, и был волосат и бородат, в кафтане, испачканном мелом. Рядом с ним стоял простодушный парень в старой военной форме времён какой-то лохматой войны.

Я открыл от удивления рот, а Алис закончив беседу, повернулась ко мне и сказала:

– Отвечай. Он пришёл тогда с последней в своей жизни смены на угольной шахте, и в коробке с едой, которую он всегда брал, сидел маленький котёнок. Он был весь рыжий и очень голодный. Жалость дяди Гарри спасла ему жизнь. А у Тима до сих пор за ухом есть шрам от его царапин.

Я передал слова Алис парням. Они сидели на своих местах, открыв рты, и не знали что сказать. Мои слова выбили

близнецов из колеи. Воспоминания, которые вызвали в их сердцах сказанные мною слова, превратились в слёзы.

– Как ты это всё узнал? – спросил, всхлипывая Рим.

– Я же говорю, мой Ангел рассказал.

Рим и Тим вытерли слёзы и посмотрели на меня уже совершенно другим взглядом, нежели прежде.

– Расскажи нам про него, – попросил Рим. – Какой он, как выглядит?

– У него, правда крылья, и этот как его...? – Тим запнулся и никак не мог вспомнить слово.

– Нимб, – подсказал ему Рим.

– Да, точно нимб! – вскрикнул Тим.

Я взглянул на Алис. Она стояла возле моей кровати и, опираясь на неё локтем, улыбалась.

– Ну, на первый взгляд она выглядит словно обычный человек, просто одета немного не по-нашему.

– Она? – вскрикнул Рим удивлённо.

– Ну да, она. Это девушка.

Я посмотрел на братьев и, улыбаясь, продолжил, указывая пальцем на Тима.

– Твой Ангел простой парень, одетый в форму солдата какой-то очень далёкой войны. А твой, – я указал на Рима, – он словно профессор. Такой, небритый и нестриженный, весь поглощённый в свои формулы и книги. Он носит кафтан испачканный мелом.

Близнецы переглянулись.

В нашу комнату вошла тётушка Фима и позвала нас в столовую.

Позавтракав, мы отправились в прачечную. Я переоделся в почищенный костюм защиты и нырнул в трубу. Тут же рядом со мной мелькнул ещё кто-то.

– Не надоело тебе тут лазить изо дня в день? – услышал я голос того самого парня, что был с нами на крыше этой ночью.

Осмотревшись, я понял, что Алис рядом нет. Парень заметил это и с улыбкой продолжил.

– Твоей новой подружки ты тут не найдёшь. Их высочество не спускаются в коллектор. Они считают это выше их достоинства. Она тебе, кстати, не говорила о том, кто я такой?

Я старался не обращать на странного балабола внимания, и продолжал своё продвижение в сторону прачечной. Парень тем временем продолжал:

– Так вот, имя моё, как тебе уже известно – Дивил. Я Бес, Демон. Но ты только не пугайся, я не съем тебя и не утащу в глубины ада, как это рассказывается в ваших книжках. Я реалист и всегда смотрю на вещи открыто и откровенно. Именно поэтому, меня жутко не любит твоя новая подружка. Знаешь, ты весьма необычный человек, Донатан. Разве не удивительно, что находясь во плоти ты имеешь бесценную возможность общаться с миром, о котором раньше и не подозревал. Я считаю это проявлением некоего чуда, знамения,

знаешь ли. Это поистине великолепно. Я, знаешь ли, раньше тоже не имел чести общаться с живыми, всё больше с умершими или с их душами. Так вот собственно о чём я. Ты удивительный парень, Донатан, и мне было бы весьма интересно знать твоё мнение относительно некоторых вопросов, чтобы так сказать упростить свой и без того достаточно нелёгкий труд.

Он прокашлялся, но сделал это очень наигранно и демонстративно. Я видел подобные жесты в фильмах, и почему-то подумал, что странный парень со мной неискренен, несмотря на своё красноречие.

– Скажи мне, Дони. Ты позволишь, чтобы я тебя так называл? – спросил он. Но, не дав мне даже ответить, продолжил. – Отлично. Так вот, скажи мне, что ты станешь делать, если вдруг на тебя нападут какие-нибудь люди? Не торопись, подумай. Я как и положено в моём случае дам тебе несколько вариантов ответов. Ты убежишь, ты будешь пытаться договориться с ними или ты станешь драться, дабы защитить себя? Не спеши, подумай хорошенько, от твоего ответа зависит наша с тобой дружба. Я, например, хорошенько врезал бы этим подонкам, что осмеливаются покушаться на мою жизнь. Это плохо, бить людей нельзя, но подумай, что лучше – разбитые кулаки или лицо? Кулаки заживут очень быстро, а при соответствующей тренировке, ты сможешь овладеть ударом настолько профессионально, что даже не сумеешь пораниться. Ну а если тебе разобьют лицо? Оно опухнет, на нём бу-

дут сильные гематомы, это при условии, что у тебя не будет открытой раны, из которой будет течь кровь, и впоследствии останется нехилый шрам. Но ведь шрамы украшают мужчину! Это наша метка, по которой нас оценивают соперники. Они видят изрезанное шрамами лицо и понимают, что с этим парнем нужно быть осторожнее, он наверняка крут в драке. Тебе повезло, Дони, что ты встретил меня в этом жутком мире. А ещё больше повезло, что ты сумел выжить. Между прочим, это и моя скромная заслуга тоже.

Он развёл руками, показывая тем самым, что он для меня не последний друг.

– Я отводил от тебя многие опасности в те дни, когда ты слонялся по улицам и ночевал на помойках. Знаешь сколько раз тебя могли убить какие-нибудь подонки или укусить чумная крыса, или того хуже сожрать голодные дикие собаки. Но ты оказался крепок мой друг, а я, как мог, отводил от тебя все эти опасности. Я присматривал за тобой, признаюсь, твоя жизнь дико скучна, но в последние дни ты меня жутко порадовал. Особенно я благодарен тебе за эту дерзкую вылазку к сестре твоей умершей подружки. Она воистину была прекрасна, у тебя великолепный вкус дружище. Но то, как ты сломал жизнь этому толстому борову Мише, было вершиной твоего коварства. Даже я бы так не сумел, но ты прекрасен! Прими от меня нереальное уважение. Твоя злоба радовала меня до нашей вчерашней встречи. А старая ведьма Бэкстридж уже скоро станет моей, и это тоже твоя заслу-

га, Дони. У тебя просто талант доводить людей до могилы. Я был бы рад нашему дальнейшему сотрудничеству. Кадры, подобные тебе, раздобыть весьма сложно в нашем сумасшедшем мире. Ты без преувеличения настоящий подарок для меня. Я предлагаю тебе сотрудничество. Представь только, сколько мы вместе сможем сделать. Ты будешь сводить меня с людьми, а я сделаю их достойными современного общества.

Я полз молча. Ни на один из многоречивых тезисов Дивила я так и не ответил, и когда вдали показался яркий фонарь, которым оканчивалось моё путешествие, я с облегчением вздохнул.

– Знаешь, Дони, ты мне словно брат! Я вижу в тебе великую силу, которая может изменить этот мир. Ты можешь изменить этот мир, а вместе мы его перевернём наизнанку.

Восторг моего собеседника был искренним. Он упивался своей гениальностью. Это был голос самого настоящего безумца.

Я остановился возле люка, который вёл в подвал прачечной. Мне в копчик упёрлась голова ползущего следом за мной Рима. Я услышал его кряхтение и почувствовал удар в мягкое место.

Отворив люк, я выбрался из трубы и скинул с головы накидку со специальными отверстиями для глаз. Глубоко вдыхая воздух, я упёрся руками в коленки и слегка наклонился вперёд.

– Ну как тебе моё предложение? – услышал я голос Дивила, который опустился передо мной на корточки и смотрел в мои глаза так преданно, что напомнил мне кота из очень старого мультика про страшного зелёного монстра.

– Отстой предложение! – сказал я и направился в раздевалку, стягивая с себя вонючий костюм.

Дивил от неожиданности, рухнул на пол и не смог даже что-либо сказать мне вслед.

Глава 14. Блокпост

Сеть северо-западных блокпостов протянулась от южной части Финского залива по западному берегу реки Нарва до Ивангорода. Затем шло Нарвское водохранилище, и там располагалась лишь усеянная датчиками, всевозможными ловушками, сигнальными цепями, видеосканерами и датчиками движения полоса. Ежедневно они срабатывали, но то были либо крысы, либо ещё какая мелкая живность, чудом выжившая в условия современного мира.

Затем Нарва продолжала свой долгий путь на юг и впадала в Псковско-Чудское озеро. На всей протяжённости движения реки тоже стояли блок посты, но больше они напоминали наблюдательные пункты, оснащённые всевозможным оборудованием для слежения за периметром. Различные тепловизоры, дальномеры и лазерные бинокли обшаривали окрестности. На этих наблюдательных постах дежурило по три смены снайперов с винтовками «Шквал» новейшей модификации, способных достать цель на расстоянии до трёх тысяч метров. Оружие было оснащено новейшей лазерной оптикой, способной автоматически корректировать уровень стрельбы. Компьютер сам выверял угол атаки, поправку на ветер и эффект Кориолиса. Ко всему прочему умная система могла подстраховаться и навести целеуказатель в за-

висимости от скорости перемещения цели. Одним словом, не оружие, а мечта.

Подчинялись эти посты двум центрам, расположенным в Ивангороде и Сланцах с общим руководством в Кингисеппе. Там же базировалась ударная группа армии, способная в любое время выступить на подмогу оборонительным частям и ракетно-артиллерийский дивизион, полностью оснащённый для удара по любым целям. В условиях постоянной угрозы извне дежурства на блокпостах велись постоянно.

Первые тревожные сообщения о странных существах периодически появляющихся за периметром «Черты» стали приходить чуть меньше года назад. Сначала всё это сваливали на отражения постоянного напряжения и плохую психологическую разгрузку наблюдателей. Но после того как в последний раз за периметры границы выпустили очередную партию зеков, всё изменилось.

Ужасная картина, которую довелось наблюдать защитникам «Черты», изменила всё в корне. Жуткие монстры набросились на выпущенных за периметр преступников. Они буквально разорвали их на части, причём с такой невыносимой скоростью, что те, кто видел это своими глазами, не сразу поняли, что происходит.

После этого инцидента программу «Изгой» закрыли. За пределы «Черты» больше никого не выгоняли. Соответствующим подразделениям, было поручено усилить блокпосты и докладывать непосредственно руководству о любых подо-

зрительных инцидентах.

Но жуткие твари словно знали об угрозе и не подходили даже на расстояние выстрела. Появлялись они теперь редко, в основном по ночам, и видно было их плохо. Порой даже самая совершенная оптика, оснащённая мощными тепловизорами, не могла толком их рассмотреть. Известно было лишь, что они словно волки рыщут стаей и имеют весьма агрессивный нрав. Станным было то, что жуткие монстры выглядели весьма организованно, и словно по приказу появлялись и исчезали.

Майор Градов когда-то служил в спецназе Северо-Кавказского пограничного округа. Занимался предотвращением нарушений границы и ловил бандитов. В последние годы их там развелось словно мух. После той жуткой войны, когда границы пали, он вместе с семьёй перебрался в Санкт-Петербург. Тут жила когда-то его мать. Она умерла, но свободная жилая площадь осталась. Градов вернулся, выгнал из дома квартирантов, навёл порядок и поселил там жену с дочерью. Затем пошёл в ближайший пункт сбора обороны и устроился на службу. Его взяли без раздумий. Таких, как он, остались теперь единицы в северной столице. Большинство подались на восток за Уральские горы. Там, как поговаривали, всё ещё оставалась надежда на выживание, росли леса и будто бы был чистый воздух.

Но это было где-то далеко, а тут была семья и изуродованный мир, который надо было защищать. Воспитанный отцом

полковником, выросшим тоже в военной династии и вскормленный устоями старого Российского патриотизма, Градов был суровым, истинно русским воякой. Его не пугали ни трудности, ни болезни, ни боль и лишения. Он был готов рвать и метать всех, кто попробует хоть каплю боли причинить его семье. Это был его постулат, кредо его жизни, если хотите. Этому он учил и своих подчинённых.

Блокпост майора Градова располагался в самом центре Нарвской цепи, как называли её сами бойцы. Ну и в самом деле, если смотреть на сеть блокпостов расположенных вдоль реки Нарвы на карте, то получалось, что со стороны Финского залива тянулась одна цепь из ста пятидесяти дотов. Затем она смыкалась возле Нарвского водохранилища, ныне именуемого Нарвским амулетом из-за того, что ввремя перекрытый доступ извне позволил сохранить тут достаточно чистую водную среду. Водоохранилище было оборудовано системой сковывания нового типа, что позволяло оградить огромные водные массивы от любого воздействия извне специальным вакуумом. Подобные устройства стали внедрять по всему миру после того, как шестьдесят лет назад взорвалась очередная атомная станция, и находящаяся в округе вода множества озёр стала радиоактивной и полностью непригодной для этого мира.

Затем сеть блокпостов продолжалась вдоль реки до самого Чудского озера. Оттуда и дальше на юг проходила Псковская линия «Черты», которую обороняли уже другие подраз-

деления.

Каждый блокпост был похож на крепкий дот. Бункер, врытый в землю на глубину десяти метров. Там располагались командный и наблюдательный посты, казарма для бойцов, небольшая столовая и склад боеприпасов. От каждого такого бункера в сторону центрального места мобилизации вела оснащённая специальным образом подземная канатная дорога. Скорость перемещения по ней составляла сто километров в час. Так что при самом худшем расположении дел, подкрепление на блокпост могло прибыть в течении сорока минут.

Оборудование блокпоста включало в себя высокоскоростные пулемётные установки системы «Коса». Это были многофункциональные турели, заряженные расщепляющими бронебойными патронами нового поколения. Такая система могла в прямом смысле слова скосить любую армию словно траву. Темп стрельбы данной системы поражал воображение. Она была равна трём тысячам выстрелов в минуту и достигалась с помощью внедрения новых материалов, способных выдерживать большее давление и значительно ускоряющих работоспособность взводящего механизма за счёт большего передаточного числа. Ко всему прочему система была снабжена автоматическим наведением и распознаванием целей. Она видела фактически всё за счёт увеличенного числа сканирующих окрестности диапазонов. Говоря простым языком, если противник извне решится подойти

к блокпосту на расстояние ближе километра, сработает тревога. Если угроза будет подтверждена оператором, то на врага, кем бы он ни был, прольётся град из восьмидесяти тысяч заряженных смертью разрывных снарядов с наконечником, способным проделать дырку размером с кулак даже в броне танка.

Ко всему прочему у блокпоста постоянно дежурили снайперы, обшаривающие своим зорким взглядом окрестности, и имелся отряд сдерживания из десяти человек вооружённых автоматами «Жнец» новейшего образца. Всё это позволяло маленькому бункеру в случае нападения продержаться до прихода основных сил.

Но главной гордостью новых блокпостов была система глобального сдерживания «Волновой удар». Она была разработана как раз после отмены закона об «Изгоях», когда новый мир столкнулся с неведомой угрозой в лице странных существ, что убили заключённых. Спустя несколько месяцев на всех блокпостах провели переоснащение на случай непредвиденных угроз аномального масштаба. Что именно под этим подразумевалось, бойцам блокпоста не сообщали. Но они и без этого прекрасно понимали, что именно это за угроза. Старые стены демонтировали, и на их место была установлена новая высокотехнологичная Энергостена, созданная на основе постоянно бесперебойно работающей электосети. Проще говоря, это был железный забор под высоким напряжением, прикоснувшись к которому любой жи-

вой организм умирал от разряда в десять тысяч вольт.

С тех пор, как мир узнал о тех, кто за «Чертой», многое изменилось. Появились вопросы. Кто эти монстры? Откуда они взялись? На что способны? Не единожды уже на посту майора появлялись какие-то люди со специальными удостоверениями и устанавливали всевозможное оборудование. Проходили дни, недели, а твари так и не появлялись. Оборудование снимали и увозили. А потом, словно по волшебству, визжал сканер, и тревожная команда звучала по всему периметру. Соседние блокпосты были видны невооружённым взглядом, поскольку находились на расстоянии одного километра друг от друга.

Затем загадочное оборудование появлялось вновь, и история повторялась.

Три раза на дню над блокпостом парил беспилотник, обшаривая окрестности. Градов также имел право подключения к визору и порой осматривал прилегающие к его вотчине территории. Но лишь единожды он смог заметить нечто на расстоянии восьми километров от блокпоста. Камера тут же навела чёткость картинки, и майор увидел это. Среди пустынных, безлиственных зарослей мёртвых деревьев пробиралось нечто. Оно было словно медведь, но гораздо больше и сильнее. Его чёрная шкура была лишена меха, и это было заметно по играющим на ней бликам. Огромное нечто двигалось медленно словно раненое, оно просто гнуло деревья и ломало их. Беспилотник приблизился насколько мог к

странному созданию, и картинка стала отчётливее. Тварь видимо услышала звук двигателя аппарата и обернулась, чтобы взглянуть на странное жужжание. Но в этот самый момент со всех сторон чёрного леса на огромного зверя стали надвигаться другие твари. Они были поменьше, но выглядели не лучше. С виду напоминая огромных собак, они стали окружать монстра и в конечном итоге бросились в атаку. Огромный медведь пытался отбиваться, но был, по всей видимости, слишком слаб, и большая стая собак быстро и без всякой жалости принялись атаковать несчастного.

Досмотреть это жуткое зрелище, майору было не суждено. В этот момент визор беспилотника отключился, а на экране показалась надпись: Доступ закрыт, красный уровень секретности.

Градов стукнул кулаком по столу. Его зелёный уровень был слишком мал теперь для доступа к паролям беспилотников. Он позвонил в центр, но там ему настойчиво намекнули, что теперь данная информация находится в ведении секретной службы. Это было плохим знаком. Он слышал раньше от отца, что правительство порой настолько боится утратить контроль над ситуацией, что способно сокрыть от общества любые данные, лишь бы это не навредило их спокойному ведению своих собственных дел. Во времена отца сотни и сотни людей, пытающиеся призывать к всеобщему голосованию против ведения войны и окончательному уничтожению ядерного оружия, попросту исчезли. Их никто больше

не видел, и что с ними стало, никто также не знал. Отец говорил, что правительственные секреты стоят не просто огромных денег, они стоят судеб тысяч жизней ни в чём не повинных людей, которые стали случайными свидетелями той или другой истории.

Подобное самоуправство спецслужб сильно бесило майора. Он не любил такого отношения к себе подобным, да ещё во время таких событий. Соккрытие данных не вело ни к чему хорошему, а лишь нагоняло страху, да терзало неизведанностью. А то, что непонятно и неизвестно, как показывает практика, больше всего пугает.

Градов включил запись, сделанную с беспилотника. Вновь и вновь просматривая это видео, он с каждым разом убеждался в одной простой истине – Твари напали на особь намного сильнее их. Пусть этот зверь ранен, и действует естественный отбор, чего даже у мутантов не отменяется. Но факт остаётся фактом, более слабые и, по всей видимости, более многочисленные убивают более сильных особей, которые в одиночку не способны отстоять своё выживание. Всё это может означать только одно – новые обитатели планеты испытывают недостаток в пище.

Отключив запись, майор включил сканер. Экран загорелся ярким светом ночного прибора. Окружающий пейзаж в таком диапазоне был куда приятнее, чем в реальном цвете. Датчик движения слегка попискивал. Это означало, что на улице ветер и редкие деревья колышутся под напором холод-

ного воздуха.

«Что-то грядёт», – подумал майор. – «Что-то очень нехорошее».

Чутьё пока ни разу не подводило майора. Несколько лет назад, когда рухнули границы и тысячи людей хлынули, ломая кордоны и устилая дорогу к жизни сотнями трупов своих соплеменников, он принял волевое решение и увёз семью из тёплого Краснодара в сторону Северной России. До этих мест ещё не добралась радиация. А три года назад с севера подул холодный свежий ветер. Он окутал всю территорию Скандинавии, Мурманск и бывшую Ленинградскую область, а ныне линию Границы нового мира, и спас от ядовитого заражения тысячи людей. Радиация, конечно, просачивалась и сюда, но не так сильно, как всюду в других местах. Тут, как и везде, строжайше запрещалось выходить на открытый воздух без специального устройства для фильтрации воздуха. Но майор иногда по ночам выходил на поверхность своего блокпоста, и когда на небе в прорезях грязных облаков появлялись искорки северного сияния, он снимал шлем и дышал чистым, холодным воздухом.

Он любил чистый воздух и часто задумывался над тем, что когда-то совершенно не обращал на него внимания. Что когда-то мог дышать этим самым известным и простым соединением, чья молекула состоит всего из двух атомов, не задумываясь о том, что придёт время и воздух станет в прямом смысле слова дороже золота. Люди часто не ценят то,

что имеют, а когда теряют, то горюют и клянут в этом кого угодно, но только не себя. Человечество вообще не слишком-то заботится о том, что его окружает, хотя именно без всего этого не может нормально существовать. Градов, будучи ещё совсем маленьким, любил читать всякую научную фантастику. Он даже подумать тогда не мог, что люди, которые создали столько всевозможных историй о том, как можно легко и быстро довести мир до коллапса, сами же сделали это, ни разу не задумываясь о своих собственных предсказаниях. Видимо научная фантастика не бралась в расчёт теми людьми, которые и осуществили это жуткое предприятие, от которого ныне страдает всё человечество.

Теперь майору было почти пятьдесят, и он уже не читал книги, а лично созерцал эту жуткую реальность.

Сигнал тревоги вырвал майора из глубины раздумий. Он быстро подскочил со стула и уставился в монитор сканера.

– Что случилось? – услышал он голос дежурного оператора.

– Пока не знаю, – спокойно ответил ему майор.

Он произвёл несколько манипуляций с сенсором управления и вывел на центральный дисплей изображение со сканера. То, что майор и оператор увидели на мониторе, заставило их открыть от ужаса и удивления рты. На картинке с невероятной скоростью неслась невероятных размеров стая неизвестных природе существ. Они мчались в сторону Блокпоста, и по их агрессивному настроенному броску было понят-

но, что отступить они не намерены.

– Это что за хрень? – раздался ошарашенный голос оператора.

Майор взглянул на своего подчинённого и резким броском метнулся в сторону ближайшей стены. Он открыл крышку с огромной красной кнопкой и крикнул:

– Это атака!

Удар кулака вдавил красную кнопку в паз, и по всему периметру раздалась громкая ревушая истерикой сирена.

Глава 15. Доклад

Не прошло и десятка сентий, как костюм издал звук, подтверждающий принятие входящего сигнала. Марц-Элл посмотрел на экран и обиженно изрек:

– Предатель!

БИМАИ с нескрываемой солидарностью посмотрел на своего сопровождающего облачённого в костюм. Всё его естество словно говорило историку: «Тут что-то не так. Нужно быть осторожным».

– Я полностью согласен с тобой! – ответил роботу лёгким кивком Марц-Элл и развернул внешнюю контрольную панель на дисплее своего костюма, приготовился к связи с Советом.

Бим отстранился немного в сторону, а костюм включил в режим трансляции.

– Доброго вам здоровья, молодой знаток!

На дисплее появился магистр Вуто в привычном ярком одеянии. Он сидел на троне Главенствующего Советника. Его руки опирались о подлокотники. Одновременно с его изображением в верхней части дисплея появились изображения остальных шести членов Совета. Таким образом, связь велась одновременно со всеми, и при любом удобном случае историк мог перевести контроль камеры на любого из

советников.

– Я тоже приветствую Вас, магистр Вуто, – ответил учтиво Марц-Элл.

Затем поднял взгляд на верхние изображения и поприветствовал остальных членов Совета.

– Не стану ходить вокруг да около, знаток Марц-Элл, – практически с ходу начал Вуто. – Совет ознакомился с предварительными результатами исследований, собранных с помощью БИМАИ. Мы ожидали нечто подобное, но результаты, как оказалось, намного хуже, чем мы могли себе представить. Надеюсь, вы понимаете, что очень сильно ошибались, когда вступили в спор с Главенствующим Советом относительно судьбы планеты Земля.

Марц-Элл не знал, что ответить. Ему было очень стыдно признавать своё поражение. Он проиграл, и проиграл по крупному. Земля воистину была подвергнута глобальному заражению, и это неистовое страдание планете причинили её же собственные обитатели. Это сводило молодого историка с ума и он всё ещё не до конца сумел осознать все масштабы произошедшей на планете катастрофы.

– Я признаю магистр, – тихо ответил Марц-Элл. – Я признаю свою неправоту. Люди слишком сильно занимали моё сознание, чтобы я смог по-настоящему рассмотреть их истинную природу. Они рассматривались мною больше как творцы, а не как разрушители. Я до последнего мгновения своего пребывания здесь не мог поверить в их невежество по

отношению к своей родной планете.

Он поднял свой взор на членов Главенствующего Совета. В глазах его отразилась вся скорбь, которую он только и мог ощущать в этот тягостный миг.

– Но позвольте мне Великие Советники высказать и другую позицию в отношении человечества.

– Я вас умоляю, историк Марц-Элл, вы же умный, образованный муж, – раздался голос магистра Мром-Зара. – Что смущает вас на этот раз? Вы видели всё своими глазами и должны понимать, что человечеству в его прямом смысле настал неминуемый конец.

– На самом деле? Что ещё вам не ясно из доклада, сделанного лично вами? – раздался голос советника КиКр, облачённого в свой неизменный комбинезон.

Марц-Элл собрался с духом и, обращаясь ни к кому то лично из Совета, а ко всем вместе, начал:

– Во-первых, меня смущает тот факт, что Главенствующий Совет, призванный решать глобальные Галактические проблемы, уделяет столько внимания маленькой планете в отдалённой системе, которая по большому счёту даже не находится в наших каталогах, как представляющая важный интерес для развития. Тут нет ничего, что могло бы привлечь наше пристальное внимание. Нет редких элементов, нет необычных форм жизни, нет нужного нам ископаемого топлива. Отсюда мой первый вопрос. Что такого есть на планете Земля, что Совет в полном составе, да ещё за такой ко-

роткий срок, рассматривает её судьбу?

– Это не ваше дело, знаток. Вы не имеете достаточного уровня допуска для получения данной информации, – выкрикнул Марц-Эллу сенатор Мром-Зар с планеты Драура.

– Поскольку я ваш уполномоченный посланник здесь, я имею право знать! – возразил историк. – Вы не вправе единолично решать судьбу целой цивилизации, это противоречит кодексу правления Главенствующего Совета и законам нашего мира. Если я сейчас же не получу ответа на этот вопрос, я буду вынужден вынести этот вопрос на межгалактический конгресс. Поверьте, там вас заставят на него ответить.

– Вы нам угрожаете? – удивлённо спросила советница Уч-Ти-На, принцесса расы Учири.

– Я, не смел и думать об этом, Советница, – моментально ответил Марц-Элл. – Я поступлю как истинный житель содружества, имеющий на это полное право. Вопросы, подобные этому не могут решаться тайком от всего мира и от граждан этого мира. Мы не узурпаторы. Наша цивилизация прошла через ужас войны, и отныне несёт мир во все уголки космоса. Поэтому, подобное поведение Совета меня очень и очень настораживает.

Наступила долгая молчаливая пауза. Советники перешёптывались и переглядывались. Марц-Элл терпеливо ждал ответа. Сомнения закрались в его разум ещё тогда перед отправкой через портал, когда магистр Вуто провожал его в непонятной спешке.

– Ответ на ваш вопрос прост, молодой знаток, – прозвучал, наконец, угрюмый голос советника Румари.

Марц-Элл вывел на центральную панель его изображение. Слова эти явно давались Великому советнику с трудом, и он явно очень тщательно пытался выстроить свой диалог.

– Человечество в своей новой форме, которую они приобретут после эволюции великой войны, явит собой ни с чем ранее несравнимую угрозу. Главенствующий Совет считает, что эта угроза может стать причиной глобальной межгалактической войны, которая охватит огромные космические пространства, и станет губительной для сотен и сотен разнообразных форм жизни. Это приведёт к вымиранию изначального вида землян и, возможно, отразится и на нас. Именно поэтому, Совет принимает подобные решения в такой секретности и спешке. Подобный ответ вас устраивает историк Марц-Элл?

Десятую часть сентия Марц-Элл размышлял, осмысливая сказанные ему слова.

– Что именно натолкнуло Совет на подобный вывод? – задал свой очередной вопрос историк.

На центральной панели появилось изображение, сделанное БИМАИ в момент исследовательского рейда. Странное существо с прозрачной кожей, сквозь которую просвечивал ярким светом его скелет. Лишённая глаз и ушей большая голова имела лишь два отверстия в том месте, где ранее находился нос. Создание было высокого роста и передвигалось

на задних конечностях. В одно мгновение изображение ожило, и Марц-Элл своими глазами увидел как движется это создание. Плавные, но очень быстрые движения чем-то напоминали рывки, но только это были отнюдь не рывки, создание перемещалось с места на место с помощью телепортации. Делая шаг, оно в ту же секунду оказывалось на шаг впереди себя. Это выглядело словно очень резкий скачок, только без каких бы то ни было усилий.

– Они эволюционируют, знаток. Это лишь первые их шаги, но вскоре они станут сильнее. Мы точно знаем, что они живут за счёт поглощения энергии. Робот, что снимал это, вернулся к нам за несколько сентий до вашего доклада. Мы сильно переживали за вашу судьбу, поскольку данная форма жизни становится весьма и весьма агрессивной. Вот ещё один довод в пользу моих слов.

Советник Румари передвинул на панели своего сенсора управления пару файлов, и Марц-Элл увидел следующее.

Робот стрелял в создание из энергетического оружия, которым был оснащён. Его выстрелы оставляли на теле создания большие выжженные раны, которые спустя какое-то время затягивались, а создание становилось более агрессивным. Оно сделало странный жест верхней конечностью, и на робота начала нападать стая зверей более напоминающих по внешнему виду изодранных и очень больших собак. Запись завершилась.

– Это более чем достаточное наглядное доказательство? –

спросил историка Советник Румари. – Вы видите своими глазами, их сила растёт. Они обрели возможность телепатической связи с особями, уступающими им в развитии, но получивших возможность понимать этих существ. Это симбиоз, и очень опасный. Что если они смогут подчинить своей воле всех существ, прошедших эволюцию в новом мире? Что если сумеют также быстро развить свои технологии? Это уже не просто вопрос, это проблема. Она стала актуальной именно сейчас, когда практически неизвестная нам раса подверглась глобальной эволюционной перестройке. Это опасно.

На экране вновь появилось изображение.

– Это предварительная компьютерная модель дальнейшего развития данных особей в прогрессии тысячи лет земного времени, – уточнил Фрии, главный советник мира Храу.

Изображение показывало изменения, которые произойдут с новыми обитателями планеты Земля. Сначала они выглядели также как и на видео, но потом стали видоизменяться. Их кожный покров преобразился, он стал ещё более прозрачным, скелет в свою очередь разгорался всё ярче, и вскоре создание усохло до минимальных показателей. Мышцы и все жировые ткани пропали. Осталась лишь прозрачная кожа, плотно прилегающая к костям скелета, под ней были видны сухожилия и нервные узлы, да тонкие линии кровеносной системы. Голова же стала гораздо меньше и тоже стала прозрачной. Сквозь прозрачные кожные покровы был виден светящийся алым светом череп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.